

ПОВѢСТИ

БАЛЬЗАКА.

Переводъ съ Французскаго.

ПОВѢСТЬ ТРЕТЬЯ.

СЕЛЬСКІЙ БАЛЪ ВЪ ГОРОДѢ СО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1832.

ПОВѢСТИ

БАЛЪЗАКА.

СЦЕНЫ

ИЗЪ

ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ,

ИЗДАНЫЯ

Г. БАЛЬЗАКОМЪ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

В. Б. и Л. К.

Ч А С Т Ъ Ш.я.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.

1852.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чшобы по напечатаніи, представлены были въ Ценсурный Комитетъ при экземпляра.

С. Петербургъ, 28 Маія 1852 года.

Ценсоръ *Н. Бутырскій.*

ЗАМѢЧЕННЫЯ ПОГРѢШНОСТИ

ВЪ ПЕРВЫХЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Часть I-я.

<i>Стр.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Вмѣсто:</i>
14	сверху 2	чреградою	преградою
25	— 11	цвѣпы	цвѣпа
57	снизу 7	взляды	взгляды
110	— 9	голые	голыя
—	— 8	большіе	большія
152	— 8	Башюшка	Башюшка
178	сверх. 11	взглядами	взглядами
197	— 9	- венные	- венныя
200	— 1	свого	своего
226	— 2	они	онѣ

Часть II-я.

12	снизу 7	- спавше	- спавше
25	— 6	пришлише	пришли
26	сверху 10	позолоченныхъ	раззолоченныхъ
27	— 4	Индійскаго	Индійскаго
—	снизу 6	медвежьей	медвѣжьей
36	сверху 7	привратницы	привратника
37	— 11	будешь, ей	будешь ей,
43	— 8	въ	въ
—	снизу 5	сказала	сказала
48	— 6	имѣющій	умѣющій
62	— 2	и 1 добродѣ—ло	доброе дѣ—ло
98	сверху 1	полюбовною	мировою
105	снизу 8	въ	въ

Часть III-я.

<i>Стр.</i>	<i>Строк.</i>	<i>Напечатано:</i>	<i>Вмѣсто:</i>
5	снизу 10	Всемилюспивей- шій	Всемилюспивѣй- шій
36	—	рождадь	раждадь
44	—	въ	въ
53	сверху 3	песчаешіе	несчаешіе
62	свизу 6	-ходишся	-ходишься
108	сверху 1	Шеврѣзе	Шеврѣзь

Въ сей части вмѣсто: *Максимильянь*, вездѣ должно бытъ: *Максимілянъ*.

Въ вѣкоторыхъ мѣстахъ, вмѣсто: *нел*, напечатано ошибкой: *нсе*.

СЦЕНА III.

СЕЛЬСКІЙ БАЛЬ ВЪ ГОРОДКЪ СО.

Графъ Фоншенъ, глава одной изъ древнѣйшихъ фамилій въ Поату, защищалъ дѣло Бурбоновъ съ преданностію и мужествомъ во все время продолжительныхъ войнъ между Вандейцами и Республикой. Имѣвъ счастье избѣгнуть осужденія на изгнаніе и опасностей сей смутной эпохи современной исторіи, онъ съ веселостію говаривалъ, что принадлежалъ къ числу тѣхъ, которые добровольно дали умертвить себя на сценяхъ престола, пбо былъ замертво оставленъ

между убитыми въ кровопролитный день *Четырехъ-Дорогъ* (Quatre-Chemins).

Хотя опись его имѣній и привела его въ раззореніе, но несмотря на то, сей вѣрный Вандеецъ всегда оказывался опъ выгодныхъ мѣстъ, предлагаемыхъ ему Императоромъ Наполеономъ. Непокосибимый въ Аристокрапическомъ своемъ вѣрованіи онъ слѣпо послѣдовалъ правиламъ онаго, когда вознамѣрился избрать себѣ по-другу. Презрѣвъ оболъщенія, конми о-кружала его одна изъ обогатившихся опъ революціонныхъ перевороповъ фамилій, бывшій Графъ женился на молодой дѣвицѣ, не имѣвшей соспоянія, но которая за то принадлежала къ значнѣйшему дому въ провинціи.

При воспослѣдовавшемъ воспановленіи Бурбоновъ, Г. Фоншень былъ уже обремененъ большимъ семействомъ. Хотя великодушному дворянину и не

приходило на умъ испрашивать милостей, однакоже онъ уступилъ прозьбамъ своей жены, оставилъ небольшое помѣстье, съ котораго доходъ едва былъ достаточенъ для безбѣднаго содержанія его дѣтей, и прѣехалъ въ Парижъ.

Огорченный своекорыстіемъ, съ которымъ прежніе его сослуживцы пронырливо искали случая добиться выгодныхъ мѣстъ, богатствъ и новыхъ достоинствъ Имперіи, онъ рѣшился было возвратиться въ свое помѣстье, какъ вдругъ получилъ изъ Министертва письмо, которымъ одинъ довольно извѣстный Высокопревосходительный извѣщалъ о производствѣ его въ Генераль-Маіоры, въ слѣдствіе указа, по которому офицерамъ Каполическихъ войскъ предоспавлено было право, считать службу въ продолженіи первыхъ двадцати лѣтъ царствованія

Людовика XVIII дѣйствительною. Потомъ, нѣсколько дней спустя, Вандеецъ получилъ, безъ всякаго со спорны его прошенія и искапелъспва, слѣдовавшіе ему ордена Почетнаго Легіона и Св. Людовика.

Сіи быспро одна за другою послѣдовавшія милоспи, коими онъ считалъ себя обязаннымъ воспоминанію объ немъ Короля, поколебали его намѣреніе; и онъ полагалъ, что уже недоспачочно будетъ того, чтобы водить свое семейство, какъ бывало онъ дѣлалъ съ нѣкоторою набожноспію каждое воскресенье, въ маршалъскую залу прокричатъ: *да здравствуетъ Король*, когда августѣйшая фамилія шла въ дворцовую церковь. Онъ просилъ аудіенціи.

Ему не опказали въ счастіи бытъ представленнымъ Королю; но вышло на повѣрку, что сіе представленіе не

оправдало его ожиданій, пѣо дворцовая пріемная была такъ набита старыми приверженцами Короля, что, смотря съ верху, напудренные ихъ головы можно было принять за снѣжный коверъ. Тутъ онъ встрѣпилъ множество своихъ прежнихъ сослуживцевъ, которые обошлись съ нимъ довольно холодно; но за то члены Королевской фамиліи показались ему *достойными обожанія*.

Сіе выраженіе восторга вырвалось у дворянина, когда Всемилостивейшій Государь, который зналъ его только по имени, подошедъ къ нему и, показавъ ему руку, провозгласилъ его: *вѣрныйшимъ изъ Вандейцевъ*. Но изъ окружавшихъ Короля, ни одному не пришло на умъ спросить у Г. Фон-пена ни о претерпѣнныхъ имъ потеряхъ, ни о пѣхъ суммахъ, которыми онъ пожертвовалъ для Каполичес-

кихъ армій; и онъ догадался, но слишкомъ поздно, что велъ войну на собственный свой счетъ.

Посему, въ концѣ вечера, онъ опважился сдѣлать весьма остроумный намекъ касательно состоянія своихъ дѣлъ, которое вѣроятно походило и на положеніе дѣлъ многихъ другихъ дворянъ; Король разсмѣялся отъ чистаго сердца, ибо всѣ слова, которыя носили на себѣ оппечатокъ ума, *имѣли счастье* ему нравиться; но онъ опвѣчалъ такую вѣжливою Королевскою шушкой, кротоснѣ которой опаснѣе, нежели самый гнѣвъ обнаруживающійся въ упрекѣ.

Одинъ изъ самыхъ приближенныхъ царедворцевъ вскорѣ подошелъ къ расчешливому Вандейцу, и рѣчью, столь же остроумною какъ и вѣжливою, далъ почувствовать Г. Фоншену, что еще не пришло время расчитываться

съ Королемъ ; что подъ спудомъ лежишь много такихъ счеповъ , которые спарѣ чѣмъ его, и которые вѣроятно будутъ внесены въ лѣпописи революціи.

Графъ благоразумно вышелъ изъ доспопочтенной группы, образующей полукругъ передъ августѣйшею фамиліею, и высвободя, не безъ труда, свою шпагу изъ лѣса тоненькихъ , сухихъ ногъ, между которыми она зашла, онъ добрался пѣшкомъ , чрезъ Тюллерійскій дворъ , до скромной наемной кареты, ожидавшей его на набережной. Потомъ , съ упрямствомъ свойственнымъ спаринному дворянину, у котораго еще Лига и Баррикады не изгладилась изъ памяти , онъ, сидя въ каретѣ и подвергая себя опасности бытъ подслушаннымъ , началъ громкимъ голосомъ изъяслять свое недо

вольствіе о перемѣнѣ произошедшей при Дворѣ.

— Было время, говорилъ онъ, что всякій свободно объяснялъ Королю свои дѣлашки, и каждый вельможа могъ въ волю просить у него милостей и денегъ. Стапочное ли дѣло, что нынѣ, безъ шума не добьешься даже того, чтобы уплатили тѣ суммы, которыя даны въ займы для его же службы. Тѣфу пропасть! Орденъ Св. Людовика и Генераль-Маіорскій чинъ не споютъ шести-сотъ тысячъ ливровъ; а я вѣрно не менѣе издержалъ за дѣло Бурбоновъ. Я хочу говорить съ Королемъ, лицомъ къ лицу, въ его кабинетѣ.

Сія аудіенція тѣмъ болѣе охладила ревность Г. Фоншена, что сколько разъ онъ ни просилъ новой аудіенціи, ему всегда отказывали; между тѣмъ онъ видѣлъ, какъ *выскожки* Имперіи получали такія мѣста, которыя прежде

занимаемы были только людьми изъ знаменитѣйшихъ фамилій прежней Монархiи.

— Все поперяно, сказалъ онъ однажды упрямь, я думаю, просни Господи, что самъ Король революціонеръ; и еслибъ не его братъ, который по крайней мѣрѣ придерживается старыхъ обычаевъ, и упѣшаетъ своихъ вѣрныхъ приверженцевъ, то не знаю въ какія руки перешла бы Французская Держава. То, что они называютъ Конспиратионнымъ правленіемъ, есть рѣшительно самая плохая система, и никогда не можетъ быть выгодна для Франціи. Людовикъ XVIII все испортилъ въ С. Уанѣ.

И такъ, потерявъ надежду, Графъ уже собирался ѣхать въ свое помѣстье, опираясь съ благородствомъ на своихъ присязаній на должное ему вознагражденіе. Вдругъ, событія двад-

цапаго Марша возвѣспили новую бурю, копорая , казалось, угрожала поглотишь законную власць и ея защитниковъ. Подобно тѣмъ благородно-мыслящимъ людямъ , копорые не опускають опъ себя слугу въ ненаспное время, Г. Фонпенъ занялъ денегъ подъ залогъ своего помѣспья , дабы имѣть возможность сопровождать бѣгспвующую Монархію , не зная , будетъ ли сіе новое, добровольное изгнаніе признано съ бѣльшею благодарностію, чѣмъ усердіе, оказанное имъ досель.

Правда, онъ замѣпилъ что сопутспвовавшіе Королю въ его изгнаніи, лучше были принимаемы при Дворѣ и пользовались бѣльшею милоспію, нежели тѣ храбрые воины , копорые , съ оружіемъ въ рукахъ , возставали противъ учрежденія республики , и онъ надѣялся, что сіе путешеспвіе будетъ для него выгоднѣе, нежели служба дѣя-

тельная , и вмѣстѣ опасная , внутри государства.

На сей разъ царедворческіе его расчеты не были изъ числа тѣхъ заманчивыхъ спекуляцій , которыя , обѣщая на бумагѣ самыя блестящія выгоды , раззоряють въ конецъ того , кто пускается на оныя.

И такъ , онъ былъ одинъ изъ числа пяти сотъ вѣрныхъ приверженцевъ Бурбоновъ , раздѣлявшихъ съ ними изгнаніе въ Гандъ , и одинъ изъ пятидесяти тысячъ возвратившихся опшуда.

Во время сего кратковременнаго упраздненія Королевской власти , Г. Фоншенъ имѣлъ счастье исполнять порученія , возлагаемыя на него самимъ Людовикомъ XVIII. Не одинъ разъ онъ имѣлъ случай доказать Королю свое политическое праводушіе и искреннюю къ нему привязанность. Од-

нажды вечеромъ , на досугъ, Монархъ вспомнилъ оспрое словцо, сказанное Г. Фонпеномъ въ Тюллерійскомъ Дворцѣ. Старый Вандеецъ, не желая упустить споль благопріятнаго случая, разсказалъ обспоятельствва своей жизни съ оспроуміемъ, дабы Король, который имѣлъ опмѣнную память, могъ припомнить ихъ въ свое время. Августѣйшій Литераторъ примѣнилъ тонкость, съ которою составлены были нѣкоторыя нопы, сочиненіе конхъ препоручилъ скромному дворянину; и сіе обспоятельство поспавило Г. Фонпена, во мнѣніи Короля, на ряду съ вѣрнѣйшими его приверженцами.

По впоричномъ возвращеніи Бурбоновъ, Графъ Фонпенъ былъ изъ числа тѣхъ довѣренныхъ лицъ, коимъ поручено было объѣхать департаменты. Онъ съ благоразуміемъ пользовался почти неограниченною властью,

которая ему была предоставлена; по выполненіи же сего временнаго порученія, онъ назначенъ былъ членомъ Государственнаго Совѣта, сдѣлался депутатомъ, говорилъ мало, много слушалъ, и во многомъ измѣнилъ свои мнѣнія. Наконецъ, благодаря нѣкоторымъ обстоятельствомъ, которыя ускользнули отъ проницательности любопытнѣйшихъ біографовъ, онъ былъ въ столь короткихъ отношеніяхъ съ Королемъ, что однажды оспроумный Монархъ, видя входящаго къ нему Графа, обратился къ нему съ словами:

— Любезный мой Фоншень, я никакъ не рѣшусь назначить васъ главнымъ Директоромъ или Министромъ, ибо ни вы, ни я не удержимся на своемъ мѣстѣ, по причинѣ нашихъ мнѣній. Предсавительное правленіе по крайней мѣрѣ снимаетъ съ насъ непріятную обязанность, которая

прежде лежала на насъ , именно : са-
мимъ устранивъ отъ себя нашихъ
бѣдныхъ Стагсъ-Секретарей. Нашъ
Совѣтъ настоящая гостинница, въ ко-
торую общественное мнѣніе при-
сылаетъ спранныхъ путешественни-
ковъ ; однакоже мы будемъ умѣть
приспосиить къ мѣстамъ нашихъ вѣр-
ныхъ приверженцевъ.

Вскорѣ послѣ сего насмѣшливаго
объясненія вышелъ указъ , которымъ
Г. Фонпенъ опредѣлялся къ весьма вы-
годному мѣсту по вѣдомству Депар-
таменту Удѣловъ. Слѣдствіемъ смѣш-
ливаго вниманія , съ которымъ онъ
всегда слушалъ сарданическія рѣчи сво-
его августѣйшаго друга, было то, что
всякій разъ, какъ наряжалась какая ни-
будь коммисія , Король не забывалъ
упомянуть объ Г. Фонпенѣ. Сей по-
слѣдній, съ свойственною ему расчеп-
ливостію, молчалъ о милости Монарха

къ нему, и умѣлъ поддерживать оную, пользуясь счастливымъ даромъ остроумно рассказывать въ опкровенныхъ бесѣдахъ, споль же плѣнявшихъ Людовика XVIII какъ и записочки съ легкостію написанныя, всѣ тайные политическіе анекдоты, и (если позволено такъ выразиться) дипломатическія сплетни, коими эпоха сія изобиловала. Извѣстно, что подробности касательно его *Правительственности* (*gouvernementabilité*), (слово, придуманное августѣйшимъ оспрякомъ,) были для него чрезвычайно занимательны.

Благодаря расчепливости и искусству Графа Фоншена, всѣ члены его большого семейства, несмотря на то, что нѣкоторые были еще въ нѣжномъ возрастѣ, подобно шелкопчнымъ червямъ, прильнули къ лѣстамъ бюджета, какъ онъ самъ шуточно говорилъ Королю.

И такъ, по милости Короля, старшій сынъ Г. Фоншена, занялъ весьма почетное, пожизненное мѣсто (*magistrature inamovible*). Второй, который былъ капитаномъ еще до вторичнаго возстановленія Бурбоновъ, получилъ легіонъ немедленно по своемъ возвращеніи изъ Ганда; потомъ, пользуясь неустройствами 1815 года, въ продолженіи которыхъ мало обращали вниманія на существующія уложенія, онъ перешелъ въ Королевскую гвардію, оппуда въ полкъ Королевскихъ пѣлохранищелей (*gardes-du-corps*), потомъ опять перешелъ въ армію, и наконецъ, ни думая, ни гадая, былъ произведенъ въ Генераль-Лейпенанты, находясь въ окрестностяхъ Трокадеро.

Меньшой сынъ, назначенный подпрефектомъ, въ непродолжительное время сдѣлался Рекетмейстеромъ и директоромъ одной изъ Парижскихъ Ад-

министраціи, находящейся въ опасности опть потрясеній законодательныхъ.

Всѣ сіи милости, болѣе выгодныя чѣмъ блестящія, были тайными, подобно благодѣланіямъ, оказаннымъ главѣ семейства, и оспались незамѣченными. Хотя отецъ и его при сына занимали довольно такихъ мѣстъ, копорыя, по сущности не пребуя съ ихъ спороны никакихъ занятій, приносили между шѣмъ, каждому изъ нихъ, окладъ почти столь же значительный, какъ и жалованье, получаемое какимъ илбудъ главнымъ директоромъ: несмотря на то, ихъ полническое счастье ни въ комъ не возбудило зависти, ибо, въ самомъ началѣ учрежденія конспиритіоннаго правленія, немногіе умѣли ясное понятіе о *мирномъ вѣдомствѣ бюджета*, въ копоромъ вкрадчивые царедворцы умѣли находить замѣны

уничтоженныхъ аббатствъ. Посему, Графъ Фоншень, который не задолго предъ симъ хвалился тѣмъ, что не читалъ харпій, и такъ сильно вооружался противъ придворныхъ, вскорѣ удостоверилъ Короля, что и онъ, не хуже его, понимаетъ духъ и средства представительнаго правленія.

Впрочемъ несмотря на то, что Г. Фоншень обезпечилъ будущность своихъ прехъ сыновей и несмотря на значительный ипогъ, получаемый съ сихъ чепырехъ мѣспъ, онъ, какъ глава слишкомъ многочисленнаго семейства, не могъ въ короткое время и безъ особенной дѣятельности поправить свое соспояніе. Его при сына имѣли передъ собою блистательную будущность, были осыпаны милостями, одарены талантами; но у него оставался при дочери, и онъ опасался накутить своими прозъбами Мо-

нарху. Ему пришло на мысль говорить Людовику всегда только объ одной из сихъ дѣвъ, неперпѣлво желавшихъ возжечь пламенникъ Гименя. Король, вознамѣрясь неоспаляя на чапаго недовершеннымъ, способствовавъ браку старшей съ главнымъ сборщикомъ подапей, одною изъ тѣхъ Королевскихъ фразъ, которыя не спюютъ ничего, а дарятъ миллионами.

Въ одинъ вечеръ, когда Монархъ былъ не въ духъ, онъ улыбнулся, услышавъ, что существуетъ еще дѣвица Фоншень; и нашелъ ей мужа, молодого судью, правда мѣщанскаго происхожденія, но богатаго и весьма образованнаго. Онъ даже не могъ отказать себѣ въ лукавомъ удовольствіи, возвести его въ Баронское достоинство.

Но когда Вандеецъ заговорилъ о дѣвицѣ Эмилии Фоншень, Король оп-

вѣчалъ ему своимъ слабннѣкимъ , по-
ненькимъ голосомъ:

— *Amicus Plato , sed magis amica
patrio.*

Потомъ , спустя нѣсколько дней,
онъ подарилъ друга своего *Фонтена*,
довольно невиннымъ чепырехъспиши-
емъ, которое онъ называлъ эпиграммою
и въ которомъ онъ шутилъ на счетъ
шрехъ дочерей Графа , столь искусно
порученныхъ вниманію Короля, пред-
ставляя ихъ , въ видѣ нераздѣльной
тройственності , ибо , если вѣрить
хроникѣ, такова была основная мысль
эпиграммы.

— Еслибы Вашему Величеству
благоугодно было переменить вашу
эпиграмму на эпигаламу? . . . . ска-
залъ Графъ, желая обратиться въ свою
пользу сію выходку.

— Я не считаю этого нужнымъ,
сухо отвѣчалъ Король.

Шушка надъ его спихотвореніемъ не понравилась Королю, и съ эсихъ поръ обхожденіе его съ Г. Фоншеномъ сдѣлалось менѣ коропкимъ.

Сей родъ немилости шѣмъ болѣе опечалилъ Графа, что дочь сія, подобно всѣмъ послѣднимъ дѣтямъ въ семействахъ, была всѣми избалована. Холодность Монарха къ Г. Фоншену шѣмъ сильнѣе озаботила его, что успрошъ бракъ сей любимой дочери казалось очень не легко.

Чтобы имѣть полное понятіе объ сихъ затрудненіяхъ должно заглянуть во внутренность богатаго, обширнаго дома, опведеннаго Графу правительствомъ.

Дѣвица Эмилиа, которая дѣтскія лѣта свои провела въ помѣстьи опца, наслаждалась тамъ изобиліемъ, вполне удовлетворяющимъ первымъ удовольствіямъ юности. Ея малѣйшія желанія

были закономъ для ея сестеръ, для ея братьевъ, для мапери и даже для отца, потому что все ея родные были опъ нее безъ ума. Она достигла зрѣлаго возраста именно въ то время, когда семейство ея было осыпано дарами своего равнаго счастья. Роскошь, ее окружавшая, казалась ей столь же естественною, какъ изобиліе цвѣтовъ и плодовъ, какъ благораспореніе воздуха, какъ шѣ лѣса, шѣ сельскія красоты, которыя составляли наслажденіе первыхъ дней ея юности. Не испытывавъ никакого сопротивленія въ дѣйствіи своемъ, когда она старалась удовлетворить своимъ запыланнымъ желаніямъ, она, четырнадцати лѣтъ бросившись въ вихрь свѣта, встрѣчала то же безусловное повиновеніе. Познавая такимъ образомъ, поспешенно, наслажденія сопровождающія богатство, она дорожила наружнымъ блес-

комъ , была приспрасна къ пышно-
сти , привыкла къ позолотѣ госпи-
ныхъ , къ великолѣпію экипажей , къ
льспивымъ привѣспвіямъ , къ изыскан-
ности въ убранствахъ , къ драгоцен-
ностямъ , къ благоуханіямъ пиршесствъ ,
къ придворному щеславію . Все улы-
балось ей . Она чипала во взорахъ каж-
даго расположеніе къ себѣ и , какъ всѣ
избалованныя дѣви , пользовалась онымъ
для мученія шѣхъ , кои ее любили ,
между шѣмъ какъ испощала свои прель-
щенія для хладнокровныхъ . Слабости
ея росли съ нею .

Родшпелямъ ея , рано или поздно ,
надобно было собрать горькіе плоды
отъ столь превратнаго воспитанія .
Эмилиі Фоншень свершилось девяти-
надцать лѣтъ , и она еще не сдѣлала
никакого выбора между множествомъ
молодыхъ людей , коихъ Г. Фоншень ,
съ тонкою расчепливостію , привлекалъ

въ свои блестящія собранія. Сія молодая дѣвица пользовалась въ большомъ свѣтѣ пою свободою въ обращеніи, которая собственно есть принадлежность только замужнихъ женщинъ. Ея красота была столь необыкновенна, что ей стоило только появиться въ гостиныхъ, чтобы владычествовать; подобно царямъ, она не имѣла друзей, и вездѣ была предметомъ изысканныхъ ласкабельствъ, противъ которыхъ она не могла бы устоять, еслибы одарена была нравомъ болѣе счастливымъ. Между мужчинами, самые даже спарки, не рѣшались противурѣчить ея мнѣніямъ, ибо она однимъ взоромъ обворажала ихъ. Получивъ отличное свѣтское образованіе, она была искусна въ живописи, а еще болѣе въ рисованіи. Въ игрѣ на фортепіано она была сильна до нѣльзя, имѣла прелестный голосъ, съ удивительною лег-

костію разбирала ноты, танцевала превосходно, и умѣла веселыи умный разговоръ объ липературѣ. Она говорила по-Италіански и по-Англійски; однимъ словомъ, она бы могла служить нѣкоторымъ образомъ доказательствомъ тому, что утверждаетъ Маскариль: будто бы знашныи люди только что родятся, какъ уже все знаютъ. Она ослѣпляла людей обыкновенныхъ, и какъ врожденная ея прозорливость помогала ей познавать людей глубоко-мыслящихъ, то она предъ ними употребляла свои прельщенія съ такимъ искусствомъ, что избѣгала строгаго испытанія съ ихъ стороны.

Къ тому же, она умѣла разсуждать о живописи и Англійской липературѣ, судить къ спашу и не къ спашу, съ лзвишельностію выставить недоспашки картины или сочпненія; малѣйшее ея слово было для толпы ея обожа-

пелей споль же свято, какъ *фефта* Пророка для Турокъ.

Сія привлекапельная наружность, сія блестящая оболочка скрывала сердце равнодушное, увѣренность, общую многимъ молодымъ дѣвицамъ, что никто не одаренъ разумомъ довольно возвышеннымъ, чтобы достойно судить о превосходствѣ ея души, и щеславіе, возбуждаемое сполько же значностию ея происхожденія, сколько и красотою.

Чуждая еще того пылкаго чувствованія, которое рано или поздноладычествуетъ въ сердце женщины, она съ жаромъ, свойственнымъ юности, неумѣренно привязалась къ богатству и почестямъ. Она обнаруживала глубокое презрѣніе ко всемъ недворянамъ. Будучи до крайности неуважительна съ новымъ дворянствомъ, она употребляла всѣ возможныя усилія,

чтобы склонить родицелей своихъ къ рабскому подражанію въ образъ жизни древнѣйшимъ фамиліямъ Сен-Жерменскаго предмѣстья.

Чувствованія сіи не укрылись отъ наблюдательности Г. Фонтена; не разъ онъ сокрушался въ сердцѣ, слушая насмѣшки и колкости Эмилии на счетъ замужства своихъ двухъ старшихъ дочерей. И въ самомъ дѣлѣ не могло не показаться страннѣмъ, что старшій Вандеецъ выдалъ свою старшую дочь за главнаго сборщика податей, который хотя и имѣлъ нѣкоторыя родовыя помѣстья, но предъ фамиліею котораго не стояла облагораживающая частица *de*, доставившая престолю столькихъ защитниковъ, а впрочемъ за судью, недавно возведеннаго въ достоинство Барона, почестъ слишкомъ новая, чтобы заставить по-

забышь, что отецъ его продавалъ муку въ куляхъ.

Сія перемѣна въ образъ мыслей благороднаго Вандейца, значительная въ особенности потому, что имѣя шестьдесятъ лѣтъ отъ роду, люди рѣдко покидаютъ свои мнѣнія, не происходила единственно отъ превратнаго рода жизни въ новомъ Вавилонѣ, гдѣ провинціалы теряютъ наконецъ свою первоначальную жесткость нравовъ; новыя политическія правила Графа Фоншена были слѣдствіемъ дружбы Людовика и его совѣтовъ. Сему Королю-философу вспало на умъ обратиться Вандейца къ здоровымъ мнѣніямъ, согласнымъ съ требованіями XIX столѣтія и съ измѣненіями, происшедшими въ Монархическомъ правленіи.

Людовику XVIII предстоило согласить между собою различныя партіи, подобно какъ Наполеону, существен-

ную пользу съ припязаніями частныхъ лицъ. Законный Король, можешь бышь споль же проницапельный какъ и его соперникъ, держался прошивнаго правила: онъ съ такою же предъусмопрительностію спарался удовлетворить среднее соспояніе и государспвенныхъ мужей, обуздывая власть духовенспва, съ какою Императоръ спарался привязаць къ себѣ вельможъ и обогатиць Церковь. Посвященный во всѣ виды Король, членъ Государспвеннаго Совѣта нечувспвительнымъ образомъ сдѣлался главою, имѣвшимъ большее вліяніе, и принадлежавшимъ къ числу благоразумнѣйшихъ поимѣренной парпціи, которая, единспвенно имѣя въ виду благо націи, ревностно желала единогласія въ мнѣніяхъ. Онъ открыто защищаль благотворныя правила Конспптуціоннаго правленія, и употребляль всѣ успія,

чтобы воспользоваться политическими переворотами, которые могли содействовать Королю въ управленіи Франціею посреди послѣднихъ потрясеній, произведенныхъ революціею. Можеть быть Г. Фонпенъ льстилъ себя надеждою схватить достоинство Пера, пользуясь однимъ изъ тѣхъ законодательныхъ порывовъ, коихъ странное дѣйствіе онъ не разъ имѣлъ случай видѣть; ибо однимъ изъ вкоренившихся въ умъ его правилъ было то, что нѣтъ во Франціи другаго дворянства, какъ въ одномъ только званіи Пера, пошому что однѣ только фамиліи, имѣющія право носить голубую мантію, пользовались привилегіями. — И въ самомъ дѣлѣ, говаривалъ онъ, что за дворянство безъ привилегій, все равно что тѣло безъ души.

Споль же мало придерживаясь партіи Мануэля какъ и партіи Ла Бур-

донэ, онъ съ жаромъ содѣйствовалъ къ согласованію умовъ, и видѣлъ въ осуществленіи сей мечты, возникающую, блистательную эпоху благоденствія Франціи. Онъ всѣми средствами спарался убѣдить тѣ фамиліи, съ которыми былъ въ связяхъ, что при тогдашнемъ порядкѣ вещей ни въ военной службѣ, ни на гражданскомъ поприщѣ почти нельзя ожидать какихъ либо существенныхъ выгодъ; онъ уговаривалъ матерей, чтобы онѣ избирали для дѣтей своихъ независимый родъ жизни, преимущественно возбуждая въ нихъ спросъ къ промышленности, и увѣрялъ ихъ, что военные чины и высокія гражданскія должности перейдутъ наконецъ, сообразно съ здоровою конспирціею, въ руки младшихъ сыновей благородныхъ семействъ Перовъ, что избирательное собраніе, судейскія мѣста и должности по части финан-

совъ, копорыя оспанупси удѣломъ главныхъ лицъ средняго сосполнїя, даюпъ народу довольно важное вліяніе въ гражданскихъ дѣлахъ.

Новыя мнѣнія Г. Фоншена, пмѣвшїя слѣдспвіемъ споль выгодные союзы для его двухъ старшихъ дочерей, нашлп сильное сопропвлеліе въ нѣдрѣ его семейства.

Графиня Фоншенъ пребыла твердою въ своихъ аристократическихъ правплахъ, можешъ быпъ впрочемъ п попому сполько, что она принадлежала къ роду Монморанси, со спороны маперп. По сей-то причинѣ она сначала п не соглашалась благословить бракъ, обѣщавшїй ея двумъ старшимъ дочерямъ споль счаспливую п независимую будущность, но принуждена была успущпть пѣмъ тайнымъ соображенїямъ, копорыя супруги повѣряюпъ другъ

другу вечеромъ, когда головы ихъ покосился на общемъ изголовьѣ.

Г. Фонпенъ хладнокровно доказалъ женѣ, посредствомъ точныхъ расчетовъ, что пребываніе ихъ въ Парижѣ, необходимость держать открытый домъ, жить съ пышностію, (въ чемъ онъ не находилъ впрочемъ ничего предосудительнаго, ибо она, нѣкопорымъ образомъ вознаградила ихъ, хотя и поздно, за лишенія мужескивенно ими перенесенныя въ опдаленномъ уголкѣ Ванден) наконецъ испраченныя на сыновей суммы поглощали бѣольшую часть годоваго оклада, и что посему надлежитъ воспользоваться представляющимся, какъ бы опъ неба испосланнымъ, случаемъ выдашь ихъ дочерей споль выгоднымъ образомъ; что онъ со временемъ будупъ имѣтъ опъ 60 до 80 тысячъ годоваго дохода; что дѣвицы безъ приданаго не всякій день

могутъ сослѣдовать подобныя партіи, и что наконецъ, пора подумать о бережливости, чтобы увеличить доходы родоваго имѣнія, и чрезъ то возстановить прежнее состояніе ихъ фамиліи. Г-жа Фонпенъ согласилась въ справедливости столь убѣдительныхъ доводовъ, какъ всякая мать сдѣлала бы на ея мѣстѣ, хотя можетъ быть съ меньшимъ сожалѣніемъ; но она рѣшительно объявила, что по крайней мѣрѣ дочь ея Эмилиа должна быть выдана замужъ, самымъ блестящимъ образомъ сообразно съ духомъ щеславія, развитію котораго въ сей юной душѣ она, къ несчастію, способствовала.

И такъ происшествія, которыя бы должныствовали распространить веселіе въ семь семействъ, поселили въ ономъ опдаленное начало несогласія. Главный сборщикъ податей и мо-

лодой президентъ были всегда принимаемы съ какою-то холодною принужденностію, которую Графиня и дочь ея Эмилія съ особеннымъ искусствомъ умѣли обнаруживать. Еще чаще онѣ имѣли случай приводить въ исполненіе деспотическое дѣйствіе домашняго эпикета, когда Генераль-Лейтенантъ женился на единородной дочери одного банкрпа; когда судья взялъ въ супружество дѣвицу, отецъ которой хотя и былъ милліонеръ, но тѣмъ не менѣе торговалъ крашенымъ холстомъ, и когда наконецъ меньшей братъ, слѣдуя своимъ несовсѣмъ аристократическимъ правиламъ, соединился бракомъ съ дочерью одного богатаго попаріуса въ Парижѣ.

Три невѣстки и оба зятя находили столько прелести и личныхъ выгодъ, посѣщая гостинныя Сен-Жерменскаго предмѣстья и обращаясь въ вы-

сокомъ кругу лицъ, имѣющихъ значительное вліяніе въ дѣлахъ государственныхъ, что всѣ они, какъ бы съ общаго согласія, составили маленькій Дворъ около надменной Эмпиі. Сей союзъ, основанный на своекорыстныхъ расчетахъ и льстивой инцеславію обѣихъ сторонъ, не имѣлъ однакоже достаточной прочности для того, чтобы предотвратить раздоры, нередко производимые юною повелительницею въ ея маломъ царствѣ.

Сцены, иногда першимъ въ высочайшемъ кругу, поддерживали между всеми членами сего многочисленнаго семейства духъ насмѣшливости, который несовсѣмъ преявлялся имъ казаясь въ обществѣ совершенно согласными между собою, въ домашнемъ быту повременамъ рождалъ неприязнь, мало похвальную. Такъ на примѣръ, супруга Генераль-Лейпенаина, сдѣлав-

шаяся Виконтессою, считала себя столь же знапною, какъ и какая нибудь урожденная Роганъ, и утверждала, что сто тысячъ ливровъ чистаго дохода даютъ ей право быть столь же высококомѣрною, какъ золовка ея Эмилія, которой иногда она съ ироніею желала счастливаго супружества, намекая, что дочь такого-то Пера вышла замужъ за такого-то . . . . .

Супруга Барона Фоншена находила удовольствіе заимѣвать Эмилію великолѣпіемъ экипажей, богатствомъ и изысканностію убранствъ, которая въ свою очередь намѣревалась отплатить ей тѣмъ же, когда выйдетъ замужъ.

Насмѣшливый видъ, съ которымъ невѣстки и зяпья слушали припязанія, обнаруживаемыя Эмиліею, производили въ сей послѣдней сильную досаду, укрощаемую только въ томъ случаѣ, ког-

да ей удавалось осыпашь ихъ эпиграммами.

Наконецъ, когда глава семейства замѣшилъ нѣкоторую холодность въ молчаливой и непрочной дружбѣ Монарха, то тѣмъ болѣе огорчился, что возлюбленная дочка его, въ слѣдствіе насмѣшливыхъ вызововъ своихъ невѣстпокъ, возмечтала теперь о столь блестящихъ видахъ, какихъ она никогда еще не имѣла.

Посреди таковыхъ - по обстоятельству, и въ то самое время, когда сія семейственная несогласія чувствительно усилились, Монархъ, благорасположеніе котораго Г. Фоншень надѣялся спискать вновь, тяжко заболѣлъ. Великій полиптикъ, который съ такимъ искусствомъ умѣлъ посреди бурь править кормиломъ государства, изнемогъ подъ бременемъ недуга его постигшаго.

Графъ Фоншенъ, находясь въ неизвѣспности на счетъ милоспей, которыхъ могъ ожидать отъ новаго Короля, употребилъ всѣ средства для сосредоточенія около своей дочери *цвѣта молодыхъ жениховъ*. Тѣ, коимъ привелось искасть рѣшенія задачи, состоящей въ томъ, чтобы выдать замужъ дѣвицу надмѣнную и мечпапельную, поймутъ, можетъ быть, какой трудъ принималъ на себя бѣдный Вандеецъ.

Исполненіе сего послѣдняго предпріятія, согласно съ желаніемъ возлюбленной его дочери, довершило бы достойнымъ образомъ поприще Графа въ Парижѣ, гдѣ въ продолженіи десяти лѣтъ онъ заботился упрочить счастье своего семейства. И въ самомъ дѣлѣ, система, кою члены его фамиліи руководствовались для поглощенія прибыльнѣйшихъ мѣспъ во всѣхъ мини-

сперспвахъ, уподобляла сіе семейство Авспрійскому Дому, который угрожаетъ распространить наконецъ свои союзы на всю Европу. Посему-то старый Вандеецъ, ревностно желавшій составить счастье своей дочери, не отказался отъ своего намѣренія, несмотря на неудачи многихъ искапелей его дочери. И ничто не могло быть забавнѣе сужденій и приговоровъ своенравной, высокомерной Эмилиі о достоинстввахъ ея обожателей.

Казалось, что она была одною изъ тѣхъ Принцессъ тысячи и одного дня, которыя по своему богатству и красоте имѣли право выбирать любого Принца въ мірѣ. Ея возраженія при отказахъ женихамъ были одно смѣшнѣе другаго. У того ноги слишкомъ толсты, у другаго колѣни кривыя; эиотъ близорукъ, того зовутъ Дюранъ, иной

хромаешъ ; почти всѣ были слишкомъ пучны . . . . .

И когда , опвергнувъ предложенія двухъ , трехъ жениховъ , она являлась на зимнихъ увеселеніяхъ или на балахъ , то всегда казалась оживленнѣе, милѣе, радостнѣе, чѣмъ когда нибудь; тамъ, проницательнымъ окомъ , - она подвергала испытанію первенствующихъ лицъ въ обществѣ; часто, своимъ восхищительнымъ лепетомъ , выдѣлывала тайны сердець, находила удовольствіе мучить молодыхъ людей, и вынудивъ у нихъ обычнымъ своимъ кокетствомъ признаніе , однимъ словомъ лишала ихъ всякой надежды.

Природа съ излишествомъ одарила ее тѣми преимуществами , которыя были необходимы для успѣха въ принятой ею роли.

Высокая, стройная Эмилія Фоншенъ имѣла поступь величественную или

живую, по ея произволу. Имѣя шею нѣсколько длинноватую, она чрезъ то могла приниматъ съ совершенствомъ осанку показывающую или надмѣнность или высокомеріе. Она сослала себѣ такъ сказать богатый запасъ пѣхъ движеній головы, пѣхъ различныхъ женскихъ уловокъ, которыя иногда такъ жестоко, а иногда такъ восхищательно объясняютъ недоконченную рѣчь или улыбку. Прекрасные черные волосы, густыя округленныя брови придавали ея физіогноміи выраженіе гордости, которую кокетство, а также и зеркало научили ея усиливать до жестокости или смягчать: безжизненностію или нѣжностію взгляда, неподвижностію или легкимъ движеніемъ губъ, холодностію или пріятностію улыбки.

Когда Эмилиа желала овладѣть сердцемъ, то ея чистый голосъ дѣлался

сладкозвучнымъ ; но она умѣла также дать ему какую-то опривиспую ясность, когда хотѣла наложить молчаніе на нескромный языкъ мущины. Бѣлое ея лице и мраморное чело уподоблялись поверхности прозрачнаго озера, которое будучи подернуто въперкомъ, попеременно то покрывается зыбью, то опять дѣлается спокойнымъ и яснымъ. Не разъ молодые люди, опвергнутые ею и исполненные досады, обвиняли ее въ лицемерномъ притворствѣ ; но въ ея черныхъ глазахъ пылалъ такой огонь и выражалось сполько взаимности, что сердца всѣхъ молодыхъ щеголей, танцовавшихъ съ нею, невольно рвались къ ней изъ подъ бѣлыхъ жилетовъ и черныхъ фраговъ. Между всеми свѣтскими дѣвицами ни одна лучше ея не умѣла: принявъ на себя гордаго вида, опвѣчая на привѣспвіе мущины, удѣломъ

когого были одни паланпы; сказать колкую учтивость тѣмъ, коихъ она считала ниже себя; и взлпть въ полной мѣрѣ свою обидную насмѣшливость на тѣхъ, которые пыпались стаать на ряду съ нею. Однимъ словомъ, казалось, что гдѣ бы она ни находилась, вездѣ разсыпаемая ей льстивыя привѣспствія она принимала, какъ дань должнаго ей почтенія, а не какъ учтивости; въ присупствіе Принцессы даже ея тѣлоположеніе и величественный видъ превратили бы кресло ея занимаемое въ тронъ Императорскій.

Въ сіе-то время, но слишкомъ поздно, Г. Фонпенъ позналъ, сколь превратное направленіе получило воспитаніе его любимой дочери отъ лишней нѣжности, предметомъ коей она была до сихъ поръ. Удивленіе, которое свѣтъ показываетъ въ началѣ къ доспоинспвамъ молодой дѣвицы, опмщая

ей за то въ послѣдствіи , до чрезвычайности усилило гордость Эмилии и ея самонадѣянность. Угожденія, коими она была осыпаема опть всѣхъ ее окружающихъ, развили въ ея сердцѣ эгоизмъ, свойственный избалованнымъ дѣтямъ , которыя играютъ всѣмъ что попадется подъ руку, какъ своеправный владѣтель своими рабами.

Прелесть юности и разнообразность талантовъ скрывали пока опть взоровъ всѣхъ сіи недостатки, тѣмъ болѣе предосудительные въ женщинѣ , что она пріобрѣтаетъ постоянную привычку мушкетеры только неограниченною преданностію и самоопроверженіемъ. Но ничто не скрывается опть взоровъ чадолюбиваго отца. Г. Фоншенъ пытался было изъяснить своей дочери главныя истины таинственныхъ скрижалей жизни. Его успія остались тщетными. И дѣйствитель-

но, своенравное упрямство и насмѣшливый умъ его дочери такъ часно заставляли его вздыхать о томъ, что онъ не могъ въ споль преклонныхъ лѣтахъ неослабно заниматься исправленіемъ ея несчастнаго характера. А потому онъ рѣшился ограничить свои попеченія совѣщаніи, исполненными кротости и добродушія; но онъ съ горестію видѣлъ, что его нѣжнѣйшія увѣщанія скользили по сердцу его дочери, какъ бы по мрамору.

Глаза родительскіе обыкновенно открываются споль поздно, что много потребно было опытовъ чпобы дать замѣнить старому Вандейцу то снисхожденіе, съ которымъ дочь его изъявляла ему изрѣдка свои ласки. Она походила на пѣхъ дѣшей, которые какъ будто говорятъ своимъ матерямъ: — поцѣлуй меня скорѣе, чпобъ я могъ итти играть! Однимъ словомъ,

Эмилія *изволила* быть нѣжною къ своимъ родителямъ. Но часто по внезапному капризу, почти неизъяснимому въ молодой дѣвушкѣ, она уединялась и являлась къ родителямъ очень рѣдко. Она жаловалась, что слишкомъ многіе раздѣляютъ съ нею нѣжность и сердце ея отца и матери. Она ревновала ихъ ко всемъ, даже къ своимъ братьямъ и сестрамъ; и съ большимъ трудомъ образовавъ около себя пустыню, она обвиняла всю природу въ своемъ отчужденіи. Вооружившись своею двадцати-лѣтнею опытностію, она укоряла судьбу, ибо, не вѣдая, что главное начало счастья обрѣтаемъ въ самихъ себѣ, она искала благополучія въ вѣншихъ предметахъ. Она бы удалась на край свѣта, чтобы избѣгнувъ замужства, подобнаго союзамъ двухъ ея сестеръ; а иногда, видя ихъ въ супружествѣ богаты-

ми и счастливыми, въ сердце своемъ таила мучительную ревность. Короче сказать: мать ея, которая, подобно Г. Фоншену, была жертвою ея своихъ выходовъ, иногда считала ее несовсѣмъ въ здоровомъ разсудкѣ.

Впрочемъ, сію несообразность въ поступкахъ довольно легко объяснить. Въ самомъ дѣлѣ, ничто не можетъ быть естественнѣе той гордой самонадѣянности, которая рождается въ сердцахъ молодыхъ дѣвицъ, одаренныхъ отъ природы блестящею красотою и принадлежащихъ къ фамиліи, занимающей довольно значительную степень въ обществѣ. Сверхъ сего онѣ почти всѣ увѣрены, что матеря ихъ, достигнувъ сорока или пятидесяти лѣтъ, не способны ощущать сочувствія къ мечтамъ ихъ юныхъ душъ, и понимаютъ онія. Онѣ воображаютъ, что большая часть матерей ревнуетъ къ

своимъ дочерямъ, и, стараясь одѣвать ихъ на старыи образецъ, умышляютъ заимать ихъ прелести и лишить ихъ побѣдъ, присвоенныхъ красотѣ. Сіе самое и бываетъ часто причиною тайныхъ слезъ и нѣмыхъ упрековъ на предполагаемую жестокость матерей.

Посреди подобныхъ огорченій, которыя дѣлаются дѣйствительными, хотя оныя существуютъ въ одномъ только воображеніи, онѣ еще, съ какимъ-то безуміемъ, заранѣе приготавливаютъ, такъ сказать, тему для ихъ будущности, и сами составляютъ себѣ гороскопъ, принимая мечты за существенность, и въ своемъ ослѣпленіи видятъ въ нихъ магію. Въ тайныхъ думахъ, онѣ принимаютъ твердое намѣреніе осчастливитъ своею рукою и сердцемъ того, кто будетъ обладать тѣмъ или другимъ преимуществомъ. Онѣ рисуютъ въ своемъ

воображеніи идеалъ , на который *сужелый*, во что бы ни стало, долженъ походить; но когда онъ искусится въ жизни , когда улетающія льба возбуждаютъ въ нихъ сужденія болѣе основательныя , когда познакомляясь короче съ свѣтомъ и съ его прозаическимъ ходомъ, когда наконецъ несчастные примѣры разочаруютъ ихъ, тогда только яркія краски ихъ мечпательнаго существа блѣднѣютъ , и онъ, увлеченный обычнымъ теченіемъ жизни , съ удивленіемъ усматриваютъ , что и безъ брачной поэзіи бывалыхъ мечпаній, онъ обрѣли счастье.

Дѣвица Эмилиа Фонпенъ, руководимая сими поэпическими мечпаніями и своею младенчествующею мудроспю, составила въ своемъ умѣ программу, съ пребованіями которой потъ, кого она будетъ любить , долженсповаль соображаться. Вотъ причина и ея над-

мѣннаго обхожденія и распотаемыхъ ею насмѣшекъ.

— Во первыхъ, часто думала она, онъ долженъ быть молодъ и изъ знатнаго рода; сверхъ того непременно долженъ быть Перомъ или старшимъ сыномъ Пера, ибо для меня несносно и подумать, чтобы на моей каретѣ не позобразался гербъ на лазоревой мантинѣ. Къ тому же, это даетъ право развѣзжаться, подобно Принцамъ, по главной аллеѣ Лонгшанскаго гулянья. Да и бабюшка утверждаетъ, что со временемъ достоинство Перовъ будетъ важнѣйшимъ во Франціи. Я хочу, чтобы онъ былъ изъ военныхъ, предоставляя себѣ выхлопотать ему въ свое время опсставку; но главное, онъ долженъ имѣть какой нибудь знакъ отличія для того, чтобы чассовые опсдавали намъ честь.

Наконецъ, всѣ сіи рѣдкія достоинства тщетны, если сей мечшательный образецъ совершенства не будетъ одаренъ большою любезностію, умомъ, спаномъ спройнымъ и тонкимъ. Сколько сіе послѣднее наружное преимущество ни могло быть скоропреходящимъ, особенно при правленіи представителенномъ, тѣмъ не менѣе оно требовалось необходимо. У дѣвицы Фоншенъ было, какъ бы идеальное, образцовое мѣрило, и если, съ перваго взгляда, какой нибудь молодой человекъ не удовлетворялъ условію художавости, пребуемому программю, то даже не удостоивался во впорой разъ ея взора.

— Ахъ! Боже мой, какой полспякъ! симъ восклицаніемъ изъясляла она высочайшую степень презрѣнія.

По ея мнѣнію, люди полные неспособны чувствовать, бытъ добрыми

мужьями и недостойны обращаться въ образованномъ обществѣ. Для женщины дородность есть несчастье; хотя, впрочемъ, у Восточныхъ жителей она сопряжена съ ихъ понятіями о женской красотѣ; но въ мужчинѣ пучность казалась ей преступленіемъ.

Всѣ сіи ошибочныя мнѣнія, выражаемая съ оспроуміемъ, забавляли слушателей Эмлин; но Г. Фоншенъ чувствовалъ, что приязанія его дочери, безразсудство которыхъ начинали постигать проникательные и не совсѣмъ благонамѣренныя умы нѣкоторыхъ женщинъ, будутъ со временемъ предметомъ колкихъ насмѣшекъ. Онъ опасался, чтобы причудливыя мысли его нѣжной дочьки не имѣли пагубнаго вліянія на ея хорошій тонъ. Онъ трепеталъ при мысли, что непреклонный свѣтъ, можетъ быть, уже на-

смѣхается надъ особою споль долго находящеюся на сценѣ, и заспавляющею ждашь развязки, разыгрываемой ею драмы. Не разъ, дѣйствующія лица, оскорбленные опказомъ, казалось ожидали благопріятнаго для нихъ случая, чтобъ опмспить ей; равнодушные же и тѣ, которые не имѣли приязаній на ея сердце, начинали уже упомляшься, ибо безпрестанное удивленіе, кажется, есть тягость для рода человѣческаго. Преспаръый же Вандеець лучше другихъ зналъ, что если существуетъ одна только благопріятная минуша чптобы броспться въ вихрь свѣта, посѣпнить гостинныя, явишься при Дворѣ или на сценѣ; по также бываетъ и такая минуша, въ которую необходимо должно сойпши съ театра свѣта.

Посему-по Г. Фоншенъ, въ первую зиму по возшеспвіи на престоль Карла

Х, усугубилъ свои старанія, совокупно съ премою сыновьями и зяпьями, чтобы сосредоточилъ въ пышныхъ гостинныхъ своего дома лучшія партіи, какія только были въ Парижѣ, или между членами депутацій отъ департаментовъ. Блестящіе балы имъ даваемые, великолѣпіе столовой, вкусные обѣды, на коихъ яства приправлены были душистыми прюфлями, не успунали пѣмъ знаменшымъ пиршесивамъ, посредствомъ которыхъ тогдашніе министры располагали голосами своихъ парламентскихъ рапоборцевъ.

Достопочтеннаго Вандейца отъявили однимъ изъ важнѣйшихъ развращенней законодательной честности палаты, которая, казалось, умерла отъ худаго пщеваренія; и, что удивительнѣе всего, усиляемъ своимъ выдашь дочь замужъ, онъ одолженъ былъ пою милоспю, которою пользо-

вался при Дворѣ. Можетъ бытъ, онъ находилъ какую нибудь пайную выгоду продавая во второй разъ свои прюфли. Сіе обвиненіе, разглашаемое нѣкопорыми либералами—насмѣшниками, которые, изобиліемъ рѣчей вознаградили себя за скудость числа ихъ приведенцевъ въ палатѣ, не имѣло никакого успѣха. Поступки Поапинскаго дворянина были такъ благородны и добросовѣстны, что на его счетъ не было помѣщено ни одной изъ тѣхъ эпиграммъ, которыми тогдашніе журналы осыпали пристра лицъ умѣренной партіи, министровъ, поваровъ, главныхъ директоровъ, застольныхъ выпязей и опъявленныхъ защитниковъ поддерживающихъ общими силами управление Виллея.

Приведя къ окончанію свои наступательныя дѣйствія, въ продолженіи которыхъ вся набранная имъ рапъ

часто бывала въ дѣлѣ, онъ мыслилъ, что на эпопѣ разѣ, собраніе столькихъ жениховъ не покажется простою фантасмагорією его дочери, и что пришло время посовѣтоваться съ нею о семъ важномъ предметѣ.

Онъ ощущалъ какое-то внутреннее самодовольствіе, исполнивъ столь свято долгъ отца; и какъ онъ не пренебрегалъ даже самыми маловажными средствами къ достиженію своей цѣли, то и надѣялся, что Эмилія была равнодушна хотя къ одному изъ столькихъ воздыхателей. Онъ какъ бы упомянулъ неблагоразуміемъ своей дочери, и былъ не въ состояніи болѣе приниматься съ новыми усиліями за исполненіе своего предпріятія; и такъ, великимъ постомъ, въ одно утро, когда въ засѣданіи палаты не имѣли необходимой надобности въ его голосѣ; ибо поэтъ день былъ назначенъ для выслу

шанія разныхъ прошеній, онъ рѣшился приступить къ дѣлу безъ оплагательства.

Между тѣмъ какъ камердинеръ, съ особеннымъ искусствомъ, рисовалъ на желтомъ черепѣ Г. Фоншена *пудренную дельту*, которая, совокупно съ висящими *ails de pigeon*, довершала его почтенную головную прическу, Графъ, не безъ тайнаго опасенія, приказалъ старому слугѣ идти къ надмѣнной дѣвицѣ, и просить ее, чтобы она немедленно предстала предъ лице главы семейства.

— Иосифъ, сказалъ онъ камердинеру, окончившему прическу головы, уберечь ашу салфетку, задерни занавѣсы, поставь стулья на мѣста, выколоши коверъ передъ каминомъ, сопри вездѣ пылъ! . . . . Проворнѣе! . . . . Да отвори-ка окно въ моемъ кабинетѣ, чтобы освѣжить воздухъ.

Графъ, давая въ одно и то же время столько различныхъ приказаній, почти сбиль съ ногъ бѣднаго Юсифа, который, угадывая намѣренія своего господина, кое-какъ убралъ кабинетъ, болѣе другихъ покоевъ запущенный въ семь домѣ. Онъ, не безъ труда, привелъ въ нѣкоторую стройность кипы счетовъ, картины, книги и мебель сего святилища, въ которомъ разбирались важныя дѣла по часпи казенныхъ имуществъ.

Приведя, съ грѣхомъ по поламъ, въ устройство сей безпорядочный хаосъ и выставивъ на видъ, какъ въ модномъ магазинѣ, все, что могло быть пріятнымъ для глазъ и вмѣстѣ съ тѣмъ своими красками являть какъ бы судебную поэзію, Юсифъ остановился посреди сего лабиринта обвѣшталыхъ бумагъ, которыя даже въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрывали коверъ, съ самодо-

вольспвомъ посмопрѣлъ около себя, сдѣлалъ одобришельный знакъ головою, и вышелъ.

Но Графъ не раздѣлялъ съ своимъ камердинеромъ его выгоднаго мнѣнія на счетъ распорядка въ кабинетѣ; и прежде нежели сѣлъ въ свои огромныя Волперовы кресла съ искривленною спинкою и обитыя краснымъ сафьяномъ, онъ бросилъ взоръ недоумѣнія вокругъ себя, осмопрѣлъ съ непріязненнымъ видомъ свой бѣлый халатъ, спряхнулъ съ онаго нѣсколько крупнокъ табаку уперъ тщательно носъ, поставилъ на мѣсто каминную лопаточку и щипцы, раздулъ огонь, подпянулъ спальные сапоги, закинулъ назадъ свою маленькую косу, оспановившуюся въ горизонтальномъ положеніи между воровникомъ жилета и халата, и далъ ей совершенно опвѣсное положеніе; потомъ подмелъ золу

въ каминѣ, которая носила на себѣ признаки упорнаго кашля. Преспаръ-льый Вандеецъ сѣлъ наконецъ, осмо- прѣвъ въ послѣдній разъ свой каби- нецъ, надѣясь что никакой предметъ не возбудишь тѣхъ насмѣшливыхъ и непочтительныхъ замѣчаній со сто- роны его возлюбленной Эмилии, кото- рыми она обыкновенно отвѣчала на благоразумные совѣты, шестидесяти- лѣтнею нѣжностію внушаемые. Онъ не хомель, въ такихъ обстоятель- ствахъ, уронить предъ дочерью оп- цовское достоинство. Онъ понюхалъ съ осторожностію табаку, кашлянулъ раза два, при, какъ бы готовясь дѣ- лать помянутую переключку; ибо уже услышалъ легкую походку дочери, ко- торая вошла въ кабинетъ нацѣвая а- рію изъ оперы *del Barbierc*.

— Здравствуйте, бапюшка..... Къ чѣ- му вы прислали за мною такъ рано?.....

И послѣ сихъ словъ , произнесенныхъ ею какъ бы *ritournelle* арип , которую она пѣла , она поцѣловала своего отца не съ тною опкровенною нѣжностію , которая дѣлаеть столь пріятнымъ чувство привязанности дѣтей къ родителямъ , но съ небрежною легкостію любовницы , увѣренной , что все , что она ни сдѣлаеть , всегда понравится .

— Любезное дитя мое . . . . . сказалъ Г. Фоншенъ , принимая на себя важный видъ , я приказалъ позвать тебя съ тѣмъ , чтобы наконецъ рѣшительно поговорить съ тобою о твоей будущности . Такъ какъ ты теперь находишься въ необходимости избрать себя супруга , чтобы упрочить твое благополучіе , то . . . . .

— Мой добрый батюшка . . . . . возразила Эмилія , самымъ нѣжнымъ голосомъ , дабы прервать слова Графа , —

кажешся , что срокъ заключеннаго между нами перемирія въ разсужденіи жениховъ, еще не вышелъ.

— Эмилія , перестанемъ шумить такимъ важнымъ дѣломъ. Съ нѣкопорого времени, всѣ, истиннолюбящіе тебя, соединили свои усилія , чинябы доставить тебѣ выгодную партію ; и тебя можно будешь укорять въ неблагодарности, если ты съ легкомысліемъ будешь взирать на тѣ старанія, которыя не я одинъ прилагаю къ упроченію твоей будущей судьбы.

Слушая сіи слова , молодая дѣвица бросила лукавый , испытующій взоръ на мебель въ кабинетѣ. Она взяла кресло , которое, по видимому , менѣе другихъ служило просителямъ ; сама принесла оное къ камину, и сѣла прямо лицомъ къ опцу ; попомъ принявъ на себя важный видъ , явно выражающій насмѣшливость, сложила руки на

богатою уборкѣ пелерины *à la neige*, и расправляла безчисленныя тюлевыя рюши. Взглянувъ мелькомъ и съ улыбкою на озабоченное лице своего преспарълаго родителя, она прервала молчаніе:

— Милый батюшка, я опъ васъ еще никогда не слыхала, чтобы правительство сообщало что нибудь къ свѣденію, въ халашъ; но, прибавила она, впрочемъ, не въ помъ сила, народъ не взыскателенъ! . . . . . Она улыбнулась. Ну, послушаемъ теперь ваши проэкты законовъ и официальные предложенія . . . . .

— Не всегда я буду имѣть возможность дѣлать тебѣ подобныя представленія, дурочка! . . . . . И такъ, сударыня, я не намѣренъ подвергаться опасности, уронить въ общемъ мнѣніи собственное достоинство, которое составляетъ часть наслѣдства мо-

ихъ дѣпей, не хочу опнынѣ вербовать эту толпу танцовщиковъ, которую ты обращаешь въ бѣгство съ каждою весною. Не разъ ты была уже невинною причиною значительныхъ ссоръ съ извѣстными фамиліями, но, я надѣюсь, что нынѣ ты болѣе въ состояніи судить о запруднительности положенія какъ своего, такъ и нашего.

Эмилиа, тебѣ двадцать лѣтъ, и вопль уже около пяти лѣтъ, что ты невѣста. Твои братья, твои сестры, всѣ приспособлены выгодно — и счастливы. Но, милая, издержки, которыя были неизбежны при сихъ бракахъ и роскошь нашей жизни, поддерживаемая матерью въ угоду тебѣ, такъ поглощали наши доходы, что я никакъ не могу дать тебѣ въ приданое болѣе ста тысячъ франковъ. Опнынѣ я хочу заняться обезпеченіемъ будущей судьбы твоей матери. Участь ея не

должна зависѣть отъ дѣшей; и я хочу, Эмилія, чптобы, когда меня не спанеть, жена моя не была оставлена мною на чей либо произволь, и чптобы она продолжала наслаждаться шѣмъ довольствомъ, копорымъ я слишкомъ поздно вознаградилъ самоопверженіе, показанное ею во время моихъ несчастій.

Ты видишь, дочь моя, чпто небольшое твое приданое не соотвѣтствуетъ твоимъ высокимъ надеждамъ! . . . . и даже сія сумма пожертвована мною тебѣ одной изъ всѣхъ моихъ дѣшей; но они великодушно согласились между собою не роптать на твою мать и на меня за то преимущество, которое мы оказываемъ споль любимой нами дочери.

— Въ ихъ состояніи! . . . . . сказала Эмилія покачавъ головою съ насмѣшливымъ видомъ.

— Дочь моя, не говори никогда дурнаго о тѣхъ, которые тебя любящъ. Знай, что только бѣдные великодушны! У богатыхъ всегда найдутся причины для того, чтобы не уступить двадцати тысячъ франковъ родственнику . . . . .

Ну, милая, не сердись! Посмотри! . . . . . Ты разсудительна, поговоримъ же о нашихъ молодыхъ людяхъ! Не замѣтила ли ты между ними Г. Монпалавъ? . . . . .

— О! онъ говоритъ *игла* вмѣсто игла, вѣчно любитъ свою ногу, которую считаетъ очень маленькою, и смотритъ въ зеркало! . . . . . Къ тому жъ онъ блондинъ, а я не люблю блондиновъ . . . . .

— Ну, а Г-на Серизи? . . . . .

— Онъ не дворянинъ. Сверхъ того онъ неуклюжъ и слишкомъ дородень. Правда, что онъ брюнетъ. Надлежа-

до бы эчимъ двумъ господамъ угово-
ришься въ помъ, чшобы соединить
свои сосполнїя, и чшобы первый успу-
шилъ свою наружность и свое имя впо-
рому, который бы долженъ оспапья
при своихъ волосахъ, и тогда бы.....

— Чьмъ нехорошъ Г. Салюсъ? .....

— Онъ сдѣлался банкиромъ.....

— А Г. Коминъ? . . . . .

— Онъ худо танцуетъ; но, ба-
пюшка, всѣ эти господа не имѣють
титуловъ, а я хочу быть по край-
ней мѣрѣ Графинею, подобно моей
мапушкѣ.

— И такъ въ продолженїи этой
зимы ты никого не видала, который
бы . . . . .

— Нѣтъ, бапюшка . . . . .

— Кого жъ тебѣ нужно? . . . . .

— Сына Пера Франціи . . . . .

— Дочь моя, сказала Г. Фоншевъ
вспакая съ кресель, ты сошла съ ума!.....

Но вдругъ онъ поднялъ глаза къ небу, почерпнулъ, казалось, новый запасъ покорности къ провидѣнiю въ какой-то благоговѣйной мысли, и, посмотрѣвъ съ родительскимъ сожалѣнiемъ на свою дочь, которая въ сію минуту была дѣйствительно пронута, онъ взялъ ее за руку, и, пожавъ оную, сказалъ ей съ нѣжностію:

— Богъ мнѣ свидѣтель! бѣдное, заблудшееся дитя мое, что я добросовѣстно выполнилъ долгъ отца въ отношенiи къ тебѣ; что я говорю, не только добросовѣстно, но съ любовью, милая Эмилія. Такъ, свидѣтельствуюсь Богомъ, что въ эту зиму, я ввелъ въ твое общество многихъ честныхъ, молодыхъ людей, которыхъ личныя достоинства, нравственность, характеръ были мнѣ извѣстны, и всѣ показали намъ достойными себя. Дочь моя, долгъ мой исполненъ. Опивнѣ,

предоставляю тебѣ полную свободу, и почиаю себя счастливымъ, и въ поже время несчастливымъ, сложивъ съ себя пягчайшую изъ обязанностей родишельскихъ. Можеть быть уже не долго ты будешь внимаать голосу, который, къ несчастію, никогда не былъ спрогимъ; но помни, что супружеское счастье основано болѣе на взаимномъ уваженіи, нежели на блестящихъ качествахъ и на богатствѣ. Сіе благополучіе, по существу своему, и смиренно и безъ блеску. Такъ, дочь моя, я благословлю того молодого человека, котораго ты мнѣ представишь какъ зятя; но если ты будешь несчастлива, то помни, что не имѣешь права обвиняать отца своего. Я не откажусь содѣйствовать и вспомоществовать тебѣ; но если ты сдѣлаешь выборъ, онъ долженъ быть рѣшительнымъ; потому что я не соглашусь два раза

подвергать опасности должное моимъ съдинамъ уваженіе.

Родительская нѣжность, отражавшаяся въ попечительныхъ увѣщаніяхъ ея отца, и его торжественный голосъ живо пронули дѣвицу Фоншень, но она скрыла чувствованія, возбужденныя въ ея сердцѣ, и съ легкостію вскочивъ на колѣни Графа, который сѣлъ въ сильномъ еще волненіи, она осыпала его нѣжнѣйшими ласками, свойственными женщинамъ, такъ что наконецъ морщины сгладились на челѣ старца. Когда Эмилія замѣтила, что сильное волненіе ея отца ослабѣло, она сказала ему въ пол-голоса:

— Очень васъ благодарю, любезный батюшка, за ваше милосливное позволеніе. Вы убрали вашу комнату. что-бы принялъ вами любимую дочь? Вы, можетъ быть, не надѣялись найти ее столь безразсудною и непокорною?.....

Но, батюшка, развѣ такъ трудно вый-
ти замужъ за Пера Франціи? . . . . .
Вы же говорили, что въ сіе достоин-
ство будуще возводите дюжинами. . . . .
Ахъ! вы по крайней мѣрѣ не откаже-
те мнѣ въ вашихъ совѣтахъ! . . . . .

— Нѣтъ, бѣдное дитя, нѣтъ, и я
не разъ буду кричать тебѣ: берегись!
Обдумай по, что достоинство Перовъ
еще слишкомъ ново въ нашей прави-
тельственности, какъ говаривалъ по-
койный Король, для того чтобы Пе-
ры могли владѣть значительными имѣ-
ніями. — Богатые хотѣли обогатить-
ся еще болѣе; ибо самый достаточный
изъ членовъ нашего Перства не имѣетъ
и половины доходовъ прошиву бѣднѣй-
шаго Лорда верхней палаты Англій-
скаго парламента. Сверхъ сего, всѣ
Перы Франціи, безъ исключенія, бу-
дущіе искаютъ богатыхъ наследницъ для
своихъ сыновей, въ какомъ бы то ни

было званіи ; попому что еще болѣе спа лѣпъ всѣ они будутъ въ необходимости соспавлять партіи, основанныя на денежныхъ расчѣпахъ. Но, можетъ бытъ, въ ожиданіи счастливаго случая, споль побою желаемаго , осуществленіе котораго можетъ стоить тебѣ лучшихъ своихъ лѣпъ, прелестн твои (ибо въ нашемъ вѣкѣ болшею частію женятся по любви), прелестн твои , говорю я , произведутъ чудо. Пока опытность скрывается подъ наружностію , споль прелестною какъ твоя, по можно ожидать чудесъ отъ оной. Сверхъ сего, ты обладаешь даромъ, по объему тѣла, судить о внутреннихъ достоинствахъ человека. Посему я и не имѣю надобности предупреждать дѣвицу споль благоразумную какъ ты, объ затрудненіяхъ сего предпріятія. Я увѣренъ, что ты никогда не будешь считать умнымъ

незнакомца, потому только что онъ имѣетъ привлекательныя черты лица, или судить о добродѣтеляхъ кого либо по стройному его стану.

Наконецъ, я совершенно согласенъ съ своимъ мнѣніемъ на счетъ того, что всѣ сыны Перовъ необходимо должны имѣть оплчишительный видъ и пріемы, имъ однимъ свойственныя. Въ нынѣшнее время, когда ничто не показываетъ различія чиновъ, сіи молодые люди должны имѣть въ себѣ что-то особенное, чтобы ихъ можно было узнать. Къ тому жъ ты не даешь воли своему сердцу, какъ искусный всадникъ коню, чтобы онъ не спотыкнулся. Дочь моя! . . . . . — Желаю тебѣ успеха.

— Вы надо мною смѣетесь, ба-
бушка? . . . . . И пакъ, я объявляю
вамъ, что скорѣ рѣшусь умереть въ

монастырь Принцессы Конде, чѣмъ бытъ женою — не Пера Франціи.

Довольная тѣмъ, что ей предоснавили полную свободу располагать собою, она вышла изъ кабинета, напѣвая арію: *Cara non dubitare изъ Matrimonio secreto.*

Въ сей самый день случилось, что все семейство собралось для торжественіа какого-то домашняго праздника; во время десерта, Г-жа Боневаль, старшая сестра Эмилии — жена главнаго сборщика податей — спльно намекала о какомъ-то Американцѣ, обладающемъ большими богатствами, и который, спрашно влюбившись въ ея сестру, сдѣлалъ ей самыя блестящія предложенія.

— Онъ банкротъ, кажется? съ небрежностію сказала Эмилиа. Я не люблю капиталістовъ безъ званія.

— По Эмилія, отвѣчала Баронъ Виленъ, мужъ ея впорой сестры, вы не любите также судейской должности, и какъ вы отвергаете помещиковъ, неносящихъ какого нибудь титула, то я рѣшительно не вижу въ какомъ званіи вы намѣрены искать себѣ супруга.

— Въ особенності же съ своею сестрою худощавости, прибавилъ Генераль-Лейтенантъ.

— Я знаю, что мнѣ нужно, отвѣчала Эмилія.

— Моя сестра желаетъ пышнаго имянн! отвѣчала Баронесса Фонтенъ, да въ добавокъ ста тысячъ ливровъ годоваго дохода.

— Я знаю, милая сестрица, возразила дѣвица Фонтенъ, что я не сглюплю выходя замужъ, какъ случилось со многими, чѣму я сама была свидѣтельница. Впрочемъ, для отвращенія вся-

кихъ брачныхъ преній, которыя ненавижу, я объявляю, что буду считать непріятелями тѣхъ, кои спанушъ заводяшъ рѣчь о замужствѣ.

Дядя Эмлія, семидесяти - лѣтній старикъ, доходы котораго недавно увеличились двадцатью тысячами ливровъ, въ слѣдствіе постановленія о вознагражденіяхъ, и который имѣлъ неоспоримое право говорить обожаемой имъ племянницѣ непріятныя истины, вскричалъ чтобы прекратить колкость сего разговора:

— Не мучьте же мою бѣдную Эмлію. Развѣ вы не видите, что она ожидаетъ совершеннолѣтія Герцога Бордосскаго.

Всеобщій смѣхъ послѣдовалъ за сею шушкою старика.

— Берегись, чтобы я не вышла замужъ за тебя, старый глупецъ!..... вскричала молодая дѣвушка, коей по-

слѣднія слова, къ счастію, были заглушены шумомъ.

— Дѣпи мои, сказала Г-жа Фон-пенъ, чпобы смягчить сію грубость, Эмилія въ семъ случаѣ послѣдуетъ однимъ совѣпамъ своей мапери, пакъ какъ вы, всѣ послушались совѣповъ вашего отца.

— Вотъ еще ! Въ такомъ дѣлѣ, которое касается одной меня, я слушаюсь только самой себя . . . . . сказала очень явспвенно дѣвица Фон-пенъ.

Взоры всѣхъ обратились при семъ отвѣтѣ на главу семейства. Казалось, всѣ съ любопытствомъ ожидали, какъ онъ поступитъ въ семъ случаѣ, чпобы поддержать свое достоинство. Доспопочтенный Вандесъ не только пользовался большимъ уваженіемъ въ свѣтѣ; но сверхъ того, счастливѣе въ семъ отношеніи многихъ другихъ оп-

цевъ, онъ былъ также уважаемъ своимъ семействомъ, всѣ члены коего умѣли цѣнить благородныя качества, послужившія ему къ упроченію благосостоянія всѣхъ своихъ родныхъ. А посему онъ былъ окруженъ пѣмъ глубокимъ почтеніемъ, которое царствовало въ семействахъ Англійскихъ и въ нѣкоторыхъ аристократическихъ семействахъ на пвердой землѣ, къ представителю генеалогическаго дерева. Глубокое молчаніе водворилось, и взоры собесѣдниковъ попеременно обращались то на своенравное и горделивое лице избалованной дочери, то на мрачныя лица господина и госпожи Фоншенъ.

— Я предоставилъ моей дочери Эмиліи полную свободу устроить свою будущую судьбу.

Таковъ былъ отвѣтъ, прознесенный Грзфомъ, голосомъ, въ которомъ

опывалось сильное душевное волнение.

Всѣ родственники и собесѣдники посмотрѣли на дѣвицу Фонпенъ съ любопытствомъ и сожалѣніемъ; ибо слова сіи по вѣдному обнаруживали, что родильская нѣжность упоминаясь въ борьбѣ съ характеромъ, несправедливость котораго была извѣстна всѣму семейству. Между зятьями возникъ тихій ропотъ неодобренія, а братья посмотрѣли на своихъ женъ съ насмѣшливою улыбкою. Съ сей самой минуты всѣ перестали заниматься замужествомъ сей горделивой дѣвицы. Только ея старшій дядя, какъ опытный морякъ, осмѣливался веселиться съ нею переспрѣлку и выдерживать напоръ ея своенравныхъ выходокъ, хладнокровно и безоспаповочно обмѣнивая съ нею выспрѣлы.

Съ возвращеніемъ лѣта, и когда бюджетъ былъ принятъ большинствомъ голосовъ, сіе семейство, образецъ Англійскихъ парламентскихъ семействъ, имѣющихъ подпоры во всѣхъ администраціяхъ и десять голосовъ въ нижнемъ парламентѣ, полетѣло, подобно спаниць пернатыхъ, къ прелестнымъ мѣстоположеніямъ Олнея, Антони и Шапенэ.

Богатый сборщикъ подапей купилъ незадолго предъ тѣмъ въ сихъ мѣстахъ для жены своей дачу; ибо онъ оставался въ Парижѣ только во время собраній палаты. Хотя прекрасная Эмилія презирала все то, что не носило на себѣ отпечатка дворянства, но чувство сіе не простиралось до того, чтобы она отказывалась пользоваться выгодами богатства, хотя бы оно было пріобрѣтено мѣщанами. И такъ она рѣшилась соуправлявать сестрѣ своей въ пышную *villa*; впрочемъ бо-

лѣе потому, что хорошій тонъ непремѣнно преобовалъ, чптобы всякая женщина, имѣющая вѣсь въ обществѣ, оставляла Парижъ на лѣто, нежели изъ дружбы къ своимъ родственникамъ, которые проводили лѣпнее время на сей дачѣ.

Зеленя окрестности городка Со удивительнымъ образомъ способствовали тому, чптобы согласить сугубылъ требованія хорошаго тона съ обязанностями людей, обремененныхъ государственнымъ должностями.

Такъ какъ довольно сомнительно, чптобы слава сельскихъ баловъ въ Со, когда либо разпространилась за скромные предѣлы департамента Сены; то и необходимо будетъ описать нѣкоторыя подробности сего еженедѣльнаго праздника, который, возрастающею своею важностию, угрожаетъ сдѣлаться узаконеннымъ. Окрестности город-

ка Со пользуясь какою-то извѣстностію, пріобрѣтенною его видами, которые посѣпшпели величаютъ прелесными. Можетъ быть оныя и весьма обыкновенны, и славою своею одолжены только глупости Парижскихъ мѣщанъ, которые, вышедши изъ своего завала, гдѣ они какъ бы погребены подъ щебнемъ, готовы любоваться однообразною равниною Боссы; но какъ поэтическія сѣни Олнея, холмы Антони и Фоншенэ — о — розъ обпшаемы нѣкоторыми путешествовавшими арпистами, чужестранцами, вообще весьма взыскапельными, и сверхъ того многими прекрасными дамами, оплачивающимися хорошимъ вкусомъ, то и должно полагать, что Парижане правы.

Къ тому жъ, городокъ Со обладаетъ еще другимъ, не менѣе важнымъ преимуществомъ для Парижанина: по-

среди сада, откуда взоръ открываетъ самые очаровательные виды, построена огромная ропонда, открывшая со всѣхъ сторонъ, куполь которой, столь же легкой какъ и обширный, поддерживается красивыми столбами. Подъ симъ сельскимъ навѣсомъ находится знаменитая танцевальная зала. Рѣдко проходитъ воскресенье, чтобы сосѣдніе помѣщики, даже многіе изъ самыхъ спѣсивыхъ, не посѣпили лѣпомъ хопя одинъ или два раза сего храма деревенской Терпсихоры, пріѣзжая или верхами, или въ запѣйливыхъ легкихъ экипажахъ, покрывающихъ пылью скромныхъ пѣшеходовъ - философовъ. Надежда, встрѣпишься шамъ съ женщинами большаго свѣта, или бытъ ими замѣченными, надежда, еще чаще осуществяемая, увидѣшь молоденькихъ креспьянокъ, которыя хипрѣ самыхъ судей, увлекаетъ въ Со по воскресень-

ямъ на балъ цѣлые рои писцовъ адвокатскихъ конпоръ, учениковъ Эскулапа и молодыхъ людей, которыхъ нѣжный цвѣтъ лица и румянецъ сохраняюся свѣжестію Парижскихъ залавковъ (*artière-boutique*). Посему по не разъ запѣвались мѣщанскія сватьбы при звукѣ оркестра, помѣщавшагося въ серединѣ сей круглой залы. И еслибы навѣсь могъ говорить, по сколько бы онъ пересказалъ любовныхъ интригъ? Сія любопытная смѣсь состояній, принимающихъ участіе въ балѣ городка Со, дѣлаеть сей праздникъ вдвое заманчивѣе Парижскихъ, пѣтъ болѣе что беретъ надъ ними верхъ своею красивою ропондою, мѣстоположеніемъ и прелестнымъ своимъ садомъ.

Эмилія, первая объявила желаніе *по-толкаться* на семъ веселомъ балѣ, который привлекалъ жителей окрестностей. Она надѣялась провести время

очень пріятно на семь праздниѣ. Еще въ первый разъ она желала поблуждать среди подобной толпы! Всякій знаетъ, что знапные находятъ большое удовольствіе въ *инкогнито*. И дѣвица Фоншенъ заранѣе забавлялась, представляя себѣ всѣ спранныя ужимки *мелогныхъ* городскихъ обывателей. Она наслаждалась уже тѣми сладкими воспоминаніями, которыя очаровательныя ея взоры и улыбка оставяютъ въ сердцахъ сполькихъ мѣщанъ. Она заранѣе насмѣхалась надъ самодовольными танцорками, и чинила уже карандаши для изображенія сценъ, коими она надѣялась обогатить свой альбомъ.

Наконецъ она дождалась воскресенья. Общество Г. Бонневаля опправилось съ его дачи пѣшкомъ, чтобы скрыть званіе особъ, желавшихъ удостоить балъ своимъ присутствіемъ. Въ сей день опобѣдали ранѣе обыкновеннаго,

и къ довершенію удовольствія, прелестнѣйшій Майскій вечеръ благопріятствовалъ сей аристократической потѣхѣ. Дѣвица Фонпенъ очень удивилась найдя въ кадрилихъ, составленныхъ въ ропондѣ, весьма порядочное общество. Правда, она замѣтила между нѣкоторыми молодыми людьми такихъ, которые употребили сбереженные въ продолженіи цѣлаго мѣсяца деньги на то, чтобы блеснуть одинъ день; индѣ также попадалась чета, коей слишкомъ опкровенная радость ни мало не отзывалась супружескою; но ея насмѣшливый духъ не находилъ для себя ожидаемой обильной жатвы. Она съ удивленіемъ смотрѣла на удовольствіе, одѣтое въ перкалевое платье, и нисколько не уступающее удовольствію, облеченному въ шелковую одежду, и видѣла мѣщанъ, шанцующихъ не хуже дворянъ, а иногда и лучше. Жен-

щны вообще были одѣты хоня и просто, но со вкусомъ. Наконецъ депутаты, которые въ семь собраніи были представителами владѣльцевъ того округа, по есть — поселяне, сполняли съ подобающею учтивостію, каждый въ своемъ углу. Дѣвицѣ Эмилии надлежало даже съ особеннымъ усиліемъ вникнуть въ составъ сего общества, чпобы найши въ ономъ предметъ, надъ которымъ бы ея насмѣшливость могла изощряться. Но ей некогда было заниматья ни лукавыми крипическими разборами, ни шѣми опривисными разговорами, которые Шарлестъ, Генрихъ Монье и другіе наблюдатели собираютъ съ такимъ наслажденіемъ.

Надмѣнная Эмилиа вдругъ увидѣла среди сего обширнаго луга, цвѣпокъ (мешафоры пеперь въ чеспи), яркія и блестящія краски котораго подѣйствовали на ея воображеніе со всею очаро-

вапельноспію новизны. Часто случается съ нами, что мы смопримъ на плащѣ, на обои, на бѣлую бумагу съ такимъ разсѣліемъ, что сначала не замѣчаемъ на сихъ предметахъ какой нибудь блестящей почки, которая уже позже бросается въ глаза, какъ бы появившись только въ то мгновеніе, когда мы ее усмопрѣли. Дѣвица Фоншень, дѣйствіемъ нравспвеннаго феномена, довольно сходнаго съ описаннымъ сей-часъ явленіемъ, въ молодомъ человекѣ, представившемся ея взорамъ, познала образецъ всѣхъ наружныхъ совершенспвъ, о которыхъ она уже такъ давно мечпала.

Въ ту минупу, она сидѣла на одномъ изъ спульевъ, распавлепныхъ кругомъ залы, и нарочно помѣспплась на краю группы, соспавленной ея родспвениками, дабы ей можно было вспань или подвинушья впередъ по

произволу. Она поступала съ представляющимися ей лицами въ сей залъ почно такъ , какъ бы поступила на выспавкѣ въ Музеѣ, то есть, она безсовѣстно наводила свой лорнетъ на особъ, въ двухъ шагахъ отъ нея стоящихъ, и дѣлала вслухъ свои замѣчанія, какъ будто крипякуя или хвала какую нибудь живописную голову или домашнюю сцену. Взоры ея, долго блуждая по сему оживленному холсту, были вдругъ захвачены (сіе выраженіе лучше передаетъ дѣйствіе) предметомъ, который, казалось, нарочно былъ поставленъ въ углу картины, наиболѣе благопріятствуемомъ свѣтомъ, какъ существо выходящее изъ совмести-ческаго съ прочими фигурами. Эмилиа удивилась, что не замѣтила незнакомаго ранѣ.

Онъ былъ высокаго роста, задумчивъ и одинокъ. Слегка прислонясь къ

сполбу, поддерживающему навѣсъ ропонды, онъ споялъ, сложивъ крестобразно руки, граціозно наклонясь для того, казалось, чшобы живописецъ могъ снятъ съ него портретъ. Но сіе положеніе, исполненное благородства и нѣкоторой гордости, нимало не отзывалось принужденностію. Ни одно тѣлодвиженіе не показывало, чшобы онъ поворошилъ лицомъ въ пол-профиль, и слегка наклонилъ голову, какъ Александръ Великій или Лордъ Байронъ или какой нибудь другой геній, имѣя въ виду обратитъ на себя вниманіе. Его неподвижный взоръ, казалось, слѣдилъ одну танцующую даму, и онъ, по видимому, былъ погруженъ въ сіе созерцаніе. Прекрасные, черные волосы ошъ природы висли на его возвышенномъ чель. Въ одной рукѣ онъ держалъ шляпу и хлыстикъ. Однимъ словомъ, незнакомецъ своимъ

спройнымъ, легкимъ спаномъ, напоминалъ объ изящной соразмѣрности Аполлона Бельведерскаго.

Дѣвица Фояпенъ однимъ взглядомъ замѣтила чрезвычайную тонкость его бѣлья, мягкость его оленьихъ перчатокъ, фабрики извѣстнаго Валкера, и стройность маленькѣй ноги, со вкусомъ обутой въ сапогъ изъ самой тонкой кожи. На немъ не было ни одного изъ пѣхъ мелочныхъ украшеній, коими обвѣшиваются себя запоздалые пешимешры національной гвардіи или конпорскіе адонисы. Одна только черная лента, на которой висѣлъ лорнетъ, развѣвалась на жплетъ рѣдкой бѣлизны.

Разборчивая Эмилія никогда еще не видала мужскихъ глазъ, осяненыхъ столь длинными и густыми ресницами. Уста его, выражающіе краснорѣчіе, казалось, были всегда готовы

улыбаться; но сія выразительность въ чертахъ не свидѣтельствовала о его расположеніи къ веселости. Въ нихъ болѣе отражалась какая-то привлекающая задумчивость. Его смуглое и мужественное лицо, дышало меланхолією и скорбью.

Самый взыскапельный наблюдатель не могъ бы, увидѣвъ незнакомца, не подумать, что то былъ чловѣкъ одаренный талантами, привлеченный изъ высшей сферы на сей сельскій праздникъ какимъ нибудь сильнымъ участіемъ. На его челѣ выражалось столько будущности, онъ самъ такъ оплмчался отъ всѣхъ, что про него нельзя было сказать: — вотъ видный мужчина, или: вотъ прекрасный мужчина. Онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ лицъ, къ которымъ чувствуешь невольное влеченіе.

Всѣ сіи наблюденія не болѣе двухъ минутъ заняли внимательную Эмилию, въ продолженіи которыхъ сей незнакомецъ, выходящій изъ круга обыкновенныхъ людей, подвергся самому строгому ея разбору; но послѣ коихъ онъ сдѣлался предметомъ молчаливаго и тайнаго удивленія. Она не сказала про себя: — Онъ вѣрно сынъ Пера Франціи! Но она подумала: — Ахъ! еслибъ онъ былъ благороднаго происхожденія, и я не сомнѣваюсь, что онъ дворянинъ! . . . . .

Она не окончила своей мысли, и, вспавъ мгновенно, пошла, въ сопровожденіи своего брата Генераль - Лейтенанта, къ сей колоннѣ, разсматривая, по видимому, съ чрезвычайнымъ вниманіемъ веселые кадрили; но употребляя въ свою пользу опшическую хитрость, къ коей привыкли многія женщины, она не потеряла ни одного дви-

женія молодого человѣка, къ которому приближалась. Когда она подошла къ нему, онъ съ учпивостію удалился, какъ бы желая уступитъ мѣсто двумъ вновь пришедшимъ особамъ, и прислонился къ колоннѣ, смежной съ первою.

Сія вѣжливость незнакомца была для своенравной Эмили споль же неприятна, какъ бы самая дерзость съ его стороны; и она, въ досадѣ, начала разговаривать съ своимъ брапомъ, возвышая голосъ болѣе, чѣмъ позволялъ хорошій тонъ. Она дѣлала различныя движенія головою, прелестныя жесты и смѣялась каждой бездѣлицѣ, менѣе имѣя въ виду занять своего брата, чѣмъ привлечь вниманіе равнодушнаго незнакомца.

Ни одна изъ сихъ небольшихъ хитростей не удалась ей. Тогда дѣвица Фоншень, слѣдуя глазами за направле-ніемъ взоровъ молодого человѣка, замѣ-

гнала причину сей кажущейся невнимательности.

Въ кадрилѣ, находящемся передъ нею, танцовала молодая, прелестная дѣвица, скромная, блѣдная, уподобляющаяся тѣмъ Шотландскимъ богинямъ, которыхъ Жиродепъ помѣстилъ на своихъ картинахъ, гдѣ онъ изображаетъ героевъ Французскихъ, принимаемыхъ Оссіаномъ. Эмилія остановилась на мысли, что то должна быть молодая Виконтесса, пріѣхавшая изъ Англіи, и проживающая по близости на дачѣ.

Кавалеръ ея, былъ молодой человекъ лѣтъ пятнадцати, съ красными руками, въ нанковыхъ панталонахъ, синемъ фракѣ и бѣлыхъ чулкахъ. Легко было догадаться, что спросить къ танцамъ дѣлала ее весьма мало разборчивою въ выборѣ кавалеровъ. Ея движенія нимало не отзывались видною сла-

боспію ея сложенія; но легкій румянецъ начиналъ уже проявляться на ея блѣд-ныхъ щекахъ, и все лице одушевлялось.

Дѣвица Фонпенъ подошла къ кадрили, чшобы всмопрѣться въ незнакомку, пока та будетъ стоять на своемъ мѣстѣ, и слѣдующіе пары повторятъ пропанцованную ею фигуру. Въ то время, какъ Эмилія начинала уже свои наблюденія, незнакомецъ подошелъ къ миловидной танцовавшей дѣвицѣ, и наклонившись къ ней произнесъ голосомъ нѣжнымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и повелительнымъ, слѣдующія слова, которыя дѣвица Фонпенъ очень явственно услыхала:

— Клара, я не хочу, чшобы ты танцовала болѣе.

Легкое неудовольствіе выразилось на лицѣ Клары, но она наклонила голову въ знакъ послушанія, и даже потомъ улыбнулась.

Когда кадрыль кончился, молодой человекъ, съ заботливостию любовника, накинулъ на плечи молодой дѣвицы кашемировую шаль, и посадилъ ее въ такомъ мѣстѣ, гдѣ бы она была въ безопасности отъ сквознаго вѣтра.

Вскорѣ потомъ дѣвица Фоншенъ замѣтила, что они вспали, и пошли вдоль ограды, какъ бы намѣреваясь ухватъ.

Любопытная Эмилія уговорила брата идти за ними, подъ предлогомъ полюбоваться живописными видами, предспавлявшимися изъ саду, и Виконтъ согласился на сіи затѣи съ нѣкоторымъ лукавымъ добродушіемъ. Дѣвица Фоншенъ увидѣла какъ незнакомецъ и незнакомка сѣдлись въ красивый шильбюри, у котораго сползалъ верховой въ ливреѣ. Молодой человекъ усѣлся въ экипажъ, и, равняя возжи, бросилъ на нее одинъ изъ пѣхъ незна-

чипельныхъ взоровъ, которые обращають безъ цѣли на толпу; но она съ нѣкоторымъ удовольствіемъ замѣтила, что послѣ сего незнакомецъ обернулся два раза, что повторила и его молодая спутница, можетъ быть изъ ревности.

— Я полагаю, что ты довольно налюбовалась на садъ, сказалъ ей братъ, и что уже пора возвратиться къ танцующимъ.

— Согласна, отвѣчала она; я увѣрена что это Виконтесса Абергавени . . . . Я узнала ея ливрею.

На другой день, дѣвица Фоншенъ изъяснила желаніе прогуляться верхомъ; и въ послѣдствіи она, непримѣтнымъ образомъ, пріучила своего спараго дядю и брата сопровождать себя въ утреннихъ прогулкахъ, которые, какъ она увѣряла, были весьма полезны для ея здоровья. Въ особеннсти же ей

иравилась та деревня, гдѣ жила Виконтесса; но, несмотря на всѣ ея кавалерійскіе маневры и веселые розыски, ей долго не удавалось встрѣпить незнакомца.

Послѣ того, она была нѣсколько разъ на балу въ Со, но ея ожиданія, увидѣвъ тамъ молодаго человека, который уже властвовалъ надъ ея мечтами и украшалъ оныя, остались щещными. Хотя ничто не можетъ въ такой степени поджечь раждающуюся любовь въ сердцѣ молодой дѣвицы, какъ препятствія, однакоже была минуша, въ которую Эмилія Фонпенъ рѣшилась было покинуть странное и тайное свое преслѣдованіе; ибо она уже опчаявалась въ успѣхѣ такого предпріятія, необыкновенность котораго можетъ дать понятіе о смѣлости ея характера.

И въ самомъ дѣлѣ, ей пришлось бы долго бродить по окрестностямъ

деревни Шапенэ, не встрѣчаясь съ незнакомцемъ; ибо Клара (имя незнакомки, услышанное Эмилиєю) не была ни Виконпесса, ни Англичанка; и соупснствовавшій ей, равно какъ и самая Клара, не болѣе другъ друга обитали въ прелестныхъ и душистыхъ рощицахъ Шапенэ.

Однажды вечеромъ; Эмилія прогуливаясь верхомъ съ своимъ дядей (съ которымъ, благодаря хорошей погодѣ, подагра заключила довольно продолжительное перемиріе) встрѣпила коляску Виконпессы. На этотъ разъ она не ошнблась; по была дѣйствительно Виконпесса Абергавени. Возлѣ нея сидѣлъ *жентлеменъ*-смиренникъ, щегольски одѣтый, котораго свѣжестъ лица и румянецъ, достойныя молодой дѣвушки, не болѣе свидѣтельствовали о непорочности его сердца, сколько и блестящее убранство женщины свидѣтельствуетъ о

ея богачествѣ. Увы! въ чертахъ и въ осанкѣ сихъ лицъ ничто не сходствовало съ очаровательными портретами, кои любовь и ревность начертали въ памяти Эмили. Она, съ живописію производимою досадою въ женщинѣ обманутой въ ея ожиданіяхъ, поворопила лошадь. Дядя ея съ большимъ трудомъ могъ поспѣвать за нею, ибо она съ чрезвычайною скоростію заспавляла бѣжачь своего небольшого скакуна.

— Видно я такъ уже старъ, что не могу понимать зашѣи двадцати-лѣтнихъ умовъ, сказалъ про себя морякъ, прищпоривая своего коня, или можетъ статься, нынѣшняя молодежь не походитъ на прежнюю? . . . . . Впрочемъ и я въ свое время былъ *легокъ на ходу*, и умѣлъ пользоваться въпрямъ. Но что такое спалось съ моею племянницею? Вотъ она ужъ ѣдетъ шагомъ, какъ папрульный жан-

дармъ ночью по Парижскимъ улицамъ. Подумаешь право, что она подкрадывается къ этому скромному пѣшеходу, который, какъ мнѣ сдается, долженъ быть какой нибудь спихотворъ подбирающій рѣму, ибо у него, кажется, записная книжка въ рукахъ. Признаюсь, я большой руки дуракъ! чуть ли это не топъ молодець, за которымъ мы гоняемся.

Остановившись на сей мысли, старый морякъ пустилъ свою лошадь шагомъ по песку, чтобы безъ малѣйшаго шума подъѣхать къ своей племянницѣ. Старикъ въ 1771 и слѣдующихъ годахъ, сославляющихъ въ Французскихъ лѣтописяхъ эпоху, въ которую волокитство было въ большой чести, имѣлъ бездну любовныхъ интригъ, и мгновенно угадалъ, что Эмилія, по самому странному случаю, встрѣтила незнакомца, видѣннаго ею на балѣ въ

городкѣ Со. Несмотря на его ослабѣвшіе опть времени сѣрые глаза, Графъ Кергаруэпъ попчасъ замѣпилъ признаки сильнаго волненія на лицѣ его племянницы, вопреки выраженію равнодушія, которое она спаралась дапъ своимъ чертамъ. Проницапельные взоры Эмилии были съ какою-то неподвижностію устремлены на незнакомца, который безопасно шелъ впереди ея.

— Такъ и есть! сказалъ про себя морякъ, она намѣрена слѣдовать за нимъ, какъ купеческое судно за кораблемъ пирата, котораго боится. — А попомъ, когда онъ скроепся, и она потеряешъ его изъ виду, то придетъ въ отчаяніе, не узнавъ кто именно предметъ ея любви, маркизъ или мѣщанинъ. Ужъ подлинно, что молодымъ людямъ не мѣшало бы всегда имѣть съ собою подобнаго мнѣ дѣдушку!.....

Тогда морякъ внезапно успремплъ своего коня, такъ, что лошадь его племянницы пронулась съ мѣста; проѣзжая же между нею и молодымъ пѣшеходомъ, онъ его такъ спѣсиль, что потъ принужденъ былъ броситься на дерновую покапость рва, вырыпаго по сторонамъ дороги. Графъ съ живостию остановивъ свою лошадь, закричалъ съ сердцемъ:

— Вы не могли посторониться?

— Ахъ! виновашъ, милостивый государь!—опвѣчалъ незнакомецъ, я было позабылъ, что миѣ слѣдуетъ извиниться передъ вами въ томъ, что вы меня сшибли съ ногъ.

— Эй, пріятель, возразилъ морякъ голосомъ насмѣшливымъ и даже нѣсколько оскорбительнымъ, я спарый тюлень, сѣвшій здѣсь на мель, посему-то и совѣтую тебѣ не слишкомъ чва-

нишься, не то, чортъ возьми, вѣдь я легокъ на руку!

И въ ту же самую минуту, Графъ шутя приподнялъ хлыстикъ, какъ бы желая ударить лошадь; но на самомъ дѣлѣ задѣлъ имъ за плечо молодого человека.

— Смотри же, молокососъ, прибавилъ онъ, не шумѣть въ пріюмѣ.

Незнакомецъ, раздраженный сею насмѣшкою, взошелъ на вершину показости. Онъ сложилъ на груди руки, и съ примѣннымъ волненіемъ отвѣчалъ Графу:

— Милостивый государь, я не могу думать, взирая на ваши сѣдые волосы, чѣобы вы выискивали случаевъ для дуэлей . . . . .

— Сѣдые волосы! . . . . . вскричалъ морякъ перебивая его, ты беспыдно лжешь, мои волосы только что съ просьбою. И если я волочился за ва-

шими бабушками, по конечно ужъ съумѣю поволочиться и за вашими женами, когда только онѣ споятъ того . . . . .

Ссора сія въ нѣсколько мгновеній успицась до такой спешени, что молодой человекъ не могъ долге сохранить шу умеренность, съ которою дополь выражался; Графъ Кергаруэпъ, видя что племянница его приближается къ нимъ со всѣми признаками живѣйшаго безпокойства, объявилъ имя своему прошивнику, и просилъ его, чтобы онъ хранилъ молчаніе, о происшедшемъ между ними, передъ молодою дѣвицею, ввѣренною его попеченіямъ.

Незнакомецъ не могъ воздержаться опъ улыбки, и подалъ старому моряку карточку, сказавъ ему, что на ней написанъ его адресъ въ Парижъ, но что теперь онъ живетъ на дачѣ

въ Шеврёзе; и объяснивъ ему въ короткихъ словахъ какъ найти оную, онъ поспѣшно удалился.

— Ты чуть не ушибла эшаго бѣднаго чудака, племянница! сказала Графъ, подъѣзжая къ Эмили. Неужели ты разучилась управлять лошадыю. Заставляешь меня связываться, Богъ въспъ, съ кѣмъ, чтобы прикрыть твои шалости, а еслибы ты оспалась съ нами, то одинъ бы твой взглядъ, одно учпивое словцо, подобное тѣмъ, которыя ты такъ мило произносишь, когда не бываешь капризна, могло бы все уладить, даже еслибы ты ему сложила руку.

— Какъ, любезный дядюшка! Да развѣ моя лошадыя, а не ваша была причиною сего непрятнаго случая. Я право думаю, что вамъ уже не слѣдъ ѣздить верхомъ, и вы теперь уже не такой искусный ѣздокъ, какъ были въ прош-

ломъ году. Но вмѣсто того, чтобы намъ заниматьсь здѣсь бездѣлушками.....

— Кой чортъ бездѣлушками!.....
Развѣ ты считаешь бездѣлцей обиду, нанесенную твоему дядѣ? . . . .

— Не лучше ли намъ подѣхавъ къ молодому человеку, и узнать нешибли ли его! . . . . Онъ прихрамываетъ, посмотрите дядюшка! . . . .

— Куды! онъ бѣжитъ! Ужъ славно же я его опдѣлалъ . . . .

— Ахъ! дядюшка, это совершенно по вашему! . . . .

— Спой, племянница, сказалъ Графъ, оспанавливая за поводья лошадь Эмилии. Я не вижу никакой надобности извиняться передъ какимъ нибудь поргашемъ, который долженъ почтывать себя весьма счастливымъ, что молодая дѣвица или старый морякъ, споль знашнаго происхожденія, какъ мы, сшибли его съ ногъ . . . . .

— Почему вы думаете, любезный дядюшка, что онъ изъ простыхъ?..... Мнѣ кажется, всѣ его приемы обнаруживаютъ въ немъ какое-то благородство . . . . .

— Теперь у всѣхъ дворянскія ухватки, милая племянница . . . . .

— Нѣтъ, дядюшка, не всѣ въ своемъ обращеніи сходствуютъ съ пѣми, которые привыкли посѣщать гостиныя, и я гоцова биться объ закладъ, что эшотъ молодой человекъ дворянинъ.

— Да ты и всмотрѣшься-то въ него хорошенько не успѣла! . . . . .

— Но я не въ первый разъ вижу его . . . . .

— И не въ первый разъ щещь..... возразилъ Графъ улыбаясь.

Эмилія покраснѣла, а дядя ея съ пріятнымъ удовольствіемъ забавлялся

нѣкоторое время ея смущеніемъ, но наконецъ сказалъ ей:

— Эмилія, ты знаешь, что я люблю тебя, какъ дочь, именно потому, что ты сохранила ту гордость, которая приличествуетъ значности нашего рода. Кто бы подумалъ, Господи помилуй, что здравыя правила почти совсѣмъ извѣдупся! . . . . Слушай же, любезная племянница, я хочу быть твоимъ наперсникомъ! . . . . Смощри, ни слова! . . . . Въ нашемъ семействѣ осмѣютъ насъ, если мы пуспимся подѣ фальшивымъ флагомъ. Ты понимаешь меня? И такъ, положиись на меня, милая. Будемъ оба хранишь тайну, и я обещаю тебѣ, что приведу эгого брйгъ подѣ твоей перекрестной огонь, прямо въ нашу гостиную . . . .

— А когда, дядюшка? . . . .

— Завтра.

— Но , любезный дядюшка , я не вспугаю ни въ какое обязапельство?.....

— Ни въ какое ; ты можешь его бомбардировать , сжечь , и попомъ , если хочешь , оставишь его , какъ старое судно , назначенное въ ломку . Не онъ первый будетъ , не правда ли? . . . . .

— Какъ вы добры ! дядюшка .

Когда Графъ пришелъ домой , онъ надѣлъ очки , вынулъ попихоньку изъ кармана карточку , и прочиталъ : *Г. Максимилянъ Лонгевиль , въ улицѣ Сантъе .*

— Будь спокойна , любезная племянница . . . . . сказалъ онъ Эмилии , ты можешь ловить его острогой безъ зазрѣнiя совѣсти , онъ принадлежишь одной изъ нашихъ историческихъ фамилiй , и если онъ еще не Перъ Францiи , то будетъ непременно . . . . .

— Какъ вы это узнали? . . . . .

— Это моя тайна . . . . .

— И такъ, вы знаете его имя?.....

Графъ въ молчаніи наклонилъ свою сѣдую голову, которая довольно походила на старый дубовый пенъ, вокругъ котораго вздымаются листья, поблѣкшіе отъ осенняго холода.

При семъ движеніи, племянница рѣшилась испытать надъ нимъ могущество своего кокетства. Зная слабую сторону стараго моряка, она распочала передъ нимъ нѣжнѣйшія слова, ласки самыя дѣтскія; она даже поцѣловала его, чтобы склонить его открыть ей сію важную тайну. Старикъ, который вѣчно подавалъ поводъ племянницѣ играть подобныя сцены, и который часто плашилъ за оныя какимъ нибудь уборомъ, или билетомъ своей лодки въ Испаніанскомъ театръ, находилъ на этоотъ разъ особенное удоволь-

ствіе, слушая ея просьбы и принимая ея нѣжныя ласки.

Но какъ онъ слишкомъ длѣлъ сіи удовольствія, то Эмілія начинала уже сердиться, опъ ласкъ перешла къ сарказмамъ, и оставила дядю. Однакоже, подспрекаемая любопытствомъ, она возвратилась снова, и морякъ-дипломатъ получилъ опъ племянницы торжественное обѣщаніе, что она впредь будетъ скромнѣе, обходительнѣе, не такъ своенравна, будетъ менѣе издерживаться, и главное: ничего не скрывать опъ него скрывать. Когда же пракшатъ былъ заключенъ, и запечатлѣнъ поцѣлуемъ моряка на бѣломъ челѣ его племянницы, онъ опвелъ ее въ уголь госпиной, и посадилъ на свои колѣни; попомъ, вынувъ карпочку и закрывъ надпись пальцами, началъ опкрывать по буквѣ слово: *Лонгевиль*; болѣе же онъ никакъ не рѣшился по-

казать, и спряхала опять карпочку.

Сіе приключеніе усилило тайныя чувствованія дѣвицы Фоншень. Въ продолженіи бѣльшей часпи ночи, она развивала въ своемъ воображеніи блестящія карпины пѣхъ мечтаній, которыми украшала свои надежды. Наконецъ, благодаря случаю, котораго Эмилія такъ пламенно искала, тотъ идеаль, который былъ испочникомъ воображаемыхъ ею очарованій, долженствовавшихъ обогатить ея будущность, теперь осуществился.

Подобно всѣмъ молодымъ особамъ, не зная опасностей любви и супружества, она прельстилась одними наружными очарованіями супружества и любви. Довольно эпаго, чтобы понять, что сіе чувствованіе родилось въ ней подобно тѣмъ склонностямъ, которыя раждаются въ юныхъ лѣтахъ; заблужденія пріятныя, но жестокия, и

мѣющія столь пагубное вліяніе на жизнь пѣхъ неопытныхъ молодыхъ дѣвицъ, которыя полагаются на однѣхъ себя, когда идетъ дѣло о будущей ихъ судьбѣ.

На другой день поутру, когда Эмилія еще спала, ея дядя отправился въ Шеврѣзъ.

Узнавъ, на дворѣ красивой дачи, того молодаго человѣка, котораго наканунѣ онъ такъ оскорбилъ, Графъ подошелъ къ нему съ тою обходительною вѣжливостію, которая отличаетъ стариковъ прежняго Двора.

— Ну! почтеннѣйшій, кто бы могъ подумать, что я, семидесяти-прежъ - лѣтній старикъ, затѣю поединокъ съ сыномъ или внукомъ лучшаго изъ моихъ друзей . . . . Я Контръ-Адмиралъ, милоспивый государь, и, кажется, изъ эпаго вы можете заключить, что я снова же мало забочусь

о дуэли, какъ и о выкуренной мною Гаванской сигаркѣ . . . . . Въ мое время, дуэли служили попѣхой для молодыхъ людей, и они не прежде дѣлались короткими пріятелями, какъ увидѣвъ цвѣтъ крови другъ у друга. Но вчера, провалъ возьми! я, спарый морякъ, черезъ чуръ понагрузился ромомъ, и спустился на васъ . . . . . Воптъ вамъ моя рука! Я скорѣе соглашусь получить сто ударовъ хлыстикомъ изъ рукъ Лонгевиля, чѣмъ причинить малѣйшую непріятность сей фамиліи . . . . .

Сколько молодой человѣкъ ни старался изъяснить холодность Графу Кергаруэшу, но не могъ долѣе пропихиваться, взирая на его добродушіе и откровенность, и онъ пропянулъ ему руку. Тогда Графъ прибавилъ:

— Вы собирались ѣхать верхомъ, не церемоньтесь. И если вы не имѣете

другихъ намѣреній, по поѣдемге вмѣ-
спѣ , я васъ прошу опобѣдать сего-
дня на дачѣ Боневая. Племянникъ
мой, Графъ Фоншенъ, будетъ тамъ,
а это человекъ, съ которымъ не худо
познакомиться! . . . . Чортъ побери!
я хочу загладить мой крупной посту-
покъ съ вами, представя васъ пяти
красавицамъ, извѣстнымъ по цѣлому
Парижу. Эй, эй! . . . . молодой че-
ловѣкъ, лице у тебя проясняется!....
— Я люблю молодежь! . . . . люблю
видѣть ее счастливою. Это напоми-
наетъ мнѣ благопворные 1771, 1772
и другіе года, когда любовныя при-
ключенія такъ же были часты какъ
и дуэли!... Тогда-то веселился!.....
А теперь, вы разсуждаете, и все оза-
бочиваетъ людей, какъ будто-бы ни-
когда не было ни XV-го, ни XVI-го
столѣтій! . . . . .

— Но, кажется, милосливый государь, мы правы, ибо XVI-му спольшю мы только одолжены религиозною свободою Европы, а XIX-му . . . . .

— Ради Бога, переспанемъ о полпикѣ . . . . . Извольте знать, я *ultra*. Но я не вступаю на вольнодумную молодежь, лишь бы только она не пропивилась моему желанію, завязывать мою маленькую косу въ черную ленточку, какъ при Фридрихѣ Великомъ . . . . .

Опѣхавъ нѣсколько шаговъ, когда Графъ и его спутникъ находились посреди лѣса, морякъ, пріоспановивъ свою лошадь, вынулъ пистолетъ, прицѣлился въ молодую березу, довольно тонкую, и выстрѣлилъ; пуля попала въ середину дерева, на распояннн шаговъ пятнадцати.

— Вы видите, почтеннѣйшій, что я не боюсь дуэли! сказалъ онъ съ ко-

мпческою важностію, смотря на Г. Лонгевцля.

— Такъ какъ и я, возразилъ сей послѣдній, который также взявъ поспѣшно пистолець, и прицѣлвшись въ скважину, пробитую пулей на березѣ, всадилъ вторую пулю, весьма близко отъ первой.

— Вотъ это значить молодой человекъ хорошо воспитанный!....вскричалъ морякъ съ нѣкоторымъ воспоргомъ.

Въ продолженіи прогулки съ шѣмъ, котораго Графъ уже считалъ своимъ племянникомъ, онъ нашелъ случай спросить его о безднѣ мелочныхъ подробностей, по которымъ, въ слѣдствіе особеннаго *устава*, составленнаго спарикомъ, можно было судить о достоинствѣ дворянина.

— Есть ли у васъ долги? . . . \nспросилъ онъ наконецъ послѣ множества другихъ вопросовъ.

— Нѣтъ, милоспивый государь.

— Какъ! вы за все платите чиспы-
ми деньгами? . . . . .

— Всегда, милоспивый государь,
въ прошивномъ случаѣ мы потеряли
бы довѣренность къ намъ, а слѣдова-
тельно и уваженіе.

— Но по крайней мѣрѣ у васъ не
одна любовница? . . . . . Ага, вы кра-
снѣете! . . . . . Тѣфу пропаснь!
поварищъ, куды какъ нравы перемѣ-
нились! Съ этими мнѣніями о закон-
номъ порядкѣ, о свободѣ, съ эпою
Канповою философіею, молодежь раз-
вращилась. У васъ нѣтъ ни Гимара,
ни Дюпе, ни кредиторовъ, и вы не
знаете Геральдики; по этому, любезный
другъ, вы совсѣмъ не *воспитаны!*.....
Знайше же, что пошь, кто не ку-
пипъ весною, купипъ зимою. Чорпъ
побери! Если семидесяпи лѣпъ я имѣлъ
только 80,000 ливровъ доходу, по это

попому, что придцапи лѣтъ я про-
мопалъ вдвое болѣе. Однакоже, хопя
вы и не совершенны, я все-таки ве-
ду васъ въ павильонъ Боневаля. Не за-
будьте, что вы мнѣ обѣщали быть
тамъ, и я васъ ожидаю . . . . .

— Какой странной старичекъ!.....
сказалъ про себя молодой Лонгевиль,
онъ еще свѣжъ какъ мурава; но какъ
онъ добродушенъ ни кажись, а я не
положусь на него. Я поѣду на дачу
Боневаля, попому что тамъ будущъ
красавицы, какъ говорятъ; но чтобы
я тамъ оспался обѣданъ, скорѣе сой-
ду съ ума! . . . . .

На другой день, въ исходѣ четвер-
таго часа, и когда въ павильонъ Бо-
неваля иные находились въ гостиной,
а другіе въ бильярдной, человекъ при-
шелъ доложить о — Г-нѣ *de* Лонге-
виль.

Услышавъ фамлію той особы, о которой старый Графъ Кергаруэть уже говорилъ въ семействѣ, всѣ, даже пошь, который гошовился сдѣлать шаръ на бильярдѣ, прибѣжали въ госпиную, какъ для того, чтобы наблюдать за Эмилиєю, такъ и по той причинѣ, что всѣ желали видѣть счастливаго смертнаго, умѣвшаго заслужить, передъ столькими соперниками, благосклонность надмѣнной дѣвицы.

Простая, но приличная одежда, ловкое обхожденіе, благородные приемы, нѣжный голосъ, звонкость котораго потрясала сердце, приобрѣли Г-ну Лонгевиллю расположеніе всего семейства. Его нисколько не удивила восточная роскошь госпиной богатаго сборщика подашей. Хотя по разговору можно было видѣть въ немъ свѣнскаго человека, но всякій могъ заключить, что онъ получилъ опимѣнное воспитаніе, и

что его познанія были столь же разнообразны, сколько и основательны.

Онъ, въ разговоръ съ старымъ морякомъ, такъ удачно приискалъ пехнической перминъ, относящійся къ корабельному спроектированию искусства, что одна дама спросила у него, не воспитывался ли онъ въ Политехническомъ Училищѣ.

— Я думаю, сударыня, что можно гордиться этимъ.

Несмотря на всеобщее желаніе, чтобы онъ оспался объдасть, Г. Лонгевиль, съ учтивостію, но вмѣстѣ съ твердостію, отказался отъ сего приглашенія, и положилъ конецъ всѣмъ убѣжденіямъ дамъ, объявивъ что онъ Иппократъ у своей сестры, слабое здоровье коей пребууетъ большихъ попеченій.

— Вы вѣрно докторъ? .... спросила съ ироніею одна изъ невѣстокъ Эмили.

— Г. Лонгевиль выпущенъ изъ Полипехническаго Училища, опвѣчала съ добродушіемъ дѣвица Фоншенъ, коей лице одушевилось самымъ прелеспнымъ румянцемъ, когда она узнала, что молодая дѣвица, видѣнная ею на балѣ, была сестра Г. Лонгевилья.

— Но, милая, можно бытъ и докторомъ и воспитанникомъ Полипехническаго Училища, не правда ли, милоспивый государь?

— Конечно, это очень возможно, милоспивая государыня, опвѣчалъ молодой человекъ.

Взоры всѣхъ обратились на Эмилию, которая въ сію минуту смотрѣла на привлекательнаго незнакомца съ нѣкоторымъ безпокойнымъ любопытствомъ. Она начала дышать свободнѣе, когда онъ съ улыбкою прибавилъ:

— Я не имѣю чести бытъ докторомъ, сударыня, и я даже опказался

вступить въ службу по части Пушей Сообщенія , чтобы вполнѣ сохранишь мою независимость.

— И хорошо сдѣлали, сказалъ Графъ. Но какъ вы можете считать за честь быть докторомъ? . . . . прибавилъ благородный Брепанецъ. Какъ! почтеннѣйшій , молодой человекъ съ вашими достоинствами! . . . .

— Графъ, я уважаю всѣ званія, имѣющія общеплезную цѣль.

— О! въ эпомъ я съ вами одного мнѣнія. — Воображаю , вы уважаете всѣ эпи званія, какъ молодой человекъ уважаетъ богатую вдовушку.

Визитъ Г. Лонгевиля не былъ, ни слишкомъ продолжителенъ , ни слишкомъ кратокъ. Онъ удалился въ минуточку , когда замѣнилъ , что пріобрѣлъ расположеніе всѣхъ, и возбудилъ на свой счетъ любопытство каждого.

— Это малой не промахъ! — сказалъ Графъ, проводивъ его и возвращаясь въ госпиную.

Дѣвица Фонпень, бывъ предъувѣдомлена о семъ посѣщеніи, съ намѣреніемъ одѣлась съ изысканностію, чптобы привлечь взоры молодаго челоуѣка; но она съ нѣкоторымъ огорченіемъ замѣтила, чпто онъ не обрапилъ на нее того вниманія, которое она, по ея мнѣнію, заслуживала. Молчаніе ея, въ продолженіи сего посѣщенія, удивило все семейство. И въ самомъ дѣлѣ, Эмилія привыкла, передъ каждымъ новымъ посѣпителемъ, раскрывать всѣ сокровища своего кокетства, всѣ хитрости своего остроумнаго лепета, и неистощимое краснорѣчіе своихъ взоровъ и пѣлоположеній. Восхищали ли ее мелодическій голосъ и привлекательность обхожденія молодаго челоуѣка, или не ощущала ли она даже

истинную любовь, которая произвела въ ней перемену? — но она, при семъ случаѣ, забыла свою обычную принужденность. Сдѣлавшись откровеннѣе и просподушнѣе, она безъ сомнѣнія должна была казаться и прелестнѣе. Ея сестры и одна пожилая дама, другъ семейства, считали это упонченнѣйшимъ кокетствомъ. Онѣ предполагали, что считая молодого человека достойнымъ себя, Эмилія рѣшилась, можетъ быть, открывать себя постепенно, чтобы очаровать его мгновенно, въ ту минуту когда покорить его сердце.

Всѣ члены семейства любопытствовали знать, что сія своенравная дѣвица думаетъ объ этомъ прекрасномъ молодомъ человѣкѣ. Но когда, за обѣдомъ, каждому угодно было приписать Г. Лонгевиллю какое нибудь новое достоинство, будто бы замѣченное въ слѣдствіе наблюдений, которыхъ впро-

чемъ никто не думалъ и дѣлалъ, одна дѣвица Фонпень, нѣкоторое время, пребыла безмолвною.

Но вдругъ, небольшая шутка дяди вывела ее изъ ея мнимаго равнодушія. Она сказала, съ довольно насмѣшливымъ выраженіемъ, что сіе неземное совершенство вѣроятно скрываетъ какой нибудь важный недостатокъ, и что она не беретъ на себя съ перваго разу произнести рѣшительное мнѣніе о человѣкѣ, по видимому, столь образованномъ. Она прибавила, что пѣть, которые нравятся всѣмъ, не нравятся никому, и что величайшій порокъ состоитъ въ совершенномъ отсутствіи пороковъ.

Подобно всѣмъ молодымъ дѣвицамъ, которыя влюблены, она льстила себя надеждою, что зашиетъ въ глубинѣ сердца свои чувствованія, и скроетъ ихъ отъ окружающихъ ее Аргусовъ;

но, спустя двѣ недѣли, всѣ члены сего многочисленнаго семейства были уже посвящены въ эту тайну.

При прѣѣзѣ посѣщеніи Г. Лонгевилля, Эмилія почти увѣрилась въ томъ, что она была предметомъ онаго. Сіе открытіе причинило ей столь упоительное удовольствіе, что она даже изумилась, когда начала размышлять хладнокровнѣе. Она находила въ этомъ чувствѣ что-то оскорбительное для ея гордости. Привыкнувъ быть какъ бы средоточіемъ въ обществахъ, теперь ей надлежало повиноваться внѣшней силѣ. Она пыталась было прощипаться сему стремленію, но не успѣла изгладить изъ своего сердца прелестный образъ молодаго человѣка. Потомъ, пришла пора сердечныхъ безпокойствъ.

Два качества Г. Лонгевилля, прямо прощивурѣчащія общему любопытству, а именно: чрезвычайная скром-

ность въ разговорахъ и осмотришельность въ поступкахъ, возбудили въ дѣвцѣ Фоншень сильное желаніе сдѣлать его откровеннѣе.

Онъ никогда не говорилъ ни о себѣ, ни о своихъ занятіяхъ, ни о своихъ родственникахъ. Тонкія хитрости, употребляемыя Эмилиєю въ ея разговорахъ, и същи, разспавляемыя ею для того, чтобы молодой человѣкъ проговорился, остались тщетными. Ея самолюбіе жаждало открытія тайнъ. Заговоритъ ли она о живописи? Г. Лонгевиль отвѣчалъ, какъ знапокъ. Принималась ли она за музыку? Молодой человѣкъ доказывалъ на дѣлѣ, не выказывая никакой самонадѣянности, что онъ очень изрядно играетъ на фортепіано. Въ одинъ вечеръ, онъ восхитилъ все общество, соединивъ свой прекрасный голосъ, съ голосомъ Эмилии, процѣвъ одинъ изъ лучшихъ дуэтовъ

изъ Чимарозы. Но когда его спросили, не аршистъ ли онъ; то онъ началъ шутить съ такимъ остроуміемъ, что женщины, даже самыя утонченныя въ искусствѣ угадывать чувствованія, не могли рѣшить, кто онъ таковъ. Съ какою хитростію старый дядя ни старался свалиться съ симъ кораблемъ, Лонгевиль всегда такъ удачно умѣлъ уйти отъ его преслѣдованій, что чрезъ то сохранилъ всю прелестъ, причиняемую тайною. И ему шѣмъ легче было оспаваться извѣстнымъ въ павильонѣ Боневаля просто подъ названіемъ прекраснаго незнакомца, что любопытство никогда не выходило изъ спорогихъ границъ приличія.

Тогда Эмилія, которую сія скрышность приводила въ весьма сильное недоумѣніе, рѣшилась испытать, не будетъ ли она имѣть болѣе успѣха со стороны сестры, чѣмъ со стороны

брата. При содѣйствіи ея дяди, копорый споль же былъ искусень въ подобныхъ дѣлахъ, какъ и въ управленіи кораблемъ, она принскивала средства, чшобы вывести на сцену Клару Лонгевиль, копорая досель не посѣщала ихъ. Общество павильона Боневаль вскорѣ изъявило живѣйшее желаніе познакомиться съ такою милою дѣвицею, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставить ей нѣкоторое развлечение. Посему положили дать небольшой балъ, на копоромъ Г. Лонгевиль обѣщался быть съ сестрою.

Дамы не совсѣмъ потеряли надежду, что добьются какихъ нибудь объясненій отъ молодой, шестнадцати-лѣтней дѣвицы.

Хотя небольшія тучи скопились въ умѣ Эмилиі, любопытство копорой жадало проникнуть въ сіи тайны однакоже жизнь ея была теперь оза-

рена радужнымъ свѣпомъ. Она вполнѣ наслаждалась существованіемъ съ пѣхъ поръ, какъ оѣносила оное не къ одной себѣ. Она начинала понимать общес-твенныя отношенія. Дѣвица Фоншенъ сдѣлалась менѣе лзвительна въ разгово-рахъ, снисходительнѣе, добрѣе, опъ того ли, что благополучіе дѣлаетъ насъ лучшими, или потому, что она была слишкомъ занята сама своимъ сердцемъ, чтобы заняться другимъ; и перемѣна ея характера восхищала все семейство, удивлявшееся оной. А можетъ быть и то, что ея любовь должна была обратиться въ раздѣльный эго-измъ.

Въ самомъ ожиданіи посвященія ея робкаго и тайнаго обожателя, она находила неизъяснимое блаженство. Еще ни одного слова о любви не было произнесено между ними, а она уже знала, что была любима; съ какимъ

искусствомъ она раскрывала передъ молодымъ незнакомцемъ всѣ сокровища своего образованія! Эмилія замѣтила, что онъ со вниманіемъ наблюдалъ за нею, и старалась побѣдить недоспапки, вкоренившіеся въ ней отъ превратнаго воспитанія. Сіе желаніе исполнилось было первою ея жертвою, принесенною любви, и вмѣстѣ съ тѣмъ жестокимъ упрекомъ, ощущаемымъ ею въ самой себѣ. Она желала нравиться, и восхищала; желала быть любимою, и была обожаема.

Все семейство, зная, что гордость предохранитъ ее отъ всякаго необдуманнаго поступка, предоставило ей полную свободу вкусить тѣ невинныя наслажденія, которыя дѣлаютъ первую любовь столь очаровательною и столь пылкою. Не разъ, молодой человекъ и дѣвица Фоншенъ блуждали по аллеямъ довольно обширнаго парка, въ копо-

ромъ природа, подобно красавицѣ, собирающейся ѣхать на балъ, была разукрашена съ прелестнымъ разнообразіемъ. Не разъ, бесѣды ихъ были безъ цѣли, безъ фізіогноміи, и рѣчи ихъ, хотя повидимому не заключали никакого опредѣленнаго смысла, но дышали чувствомъ. Они часто любовались вмѣстѣ заходящимъ солнцемъ и багрянымъ небосклономъ; срывали маргаритки съ шѣмъ, чтобы оборвать листки, и пѣли самыя страстныя дуэты Перголеза и Бойельдѣе, вѣрно выражавшіе ихъ взаимныя шайны.

Наступилъ день бала. Клара Лонгевиль и ея братъ, къ фамиліи копорыхъ лакеи, по собственному произволу, прибавляли облагороживающую частицу *de*, были лучшимъ украшеніемъ сего праздника; и первый разъ въ жизни, Эмилія съ удовольствіемъ видѣла первенство молодой дѣвицы. Она, съ

искренностію, осыпала Клару шѣми милыми ласками и угожденіями, копоря женщины обыкновенно оказываютъ другъ другу съ шѣмъ, чтобы возбудишь ревность мужчинъ. Но цѣлію Эмилии было вывѣдать отъ Клары семейственныя тайны. Дѣвица же Лонгевиль была въ семъ отношеніи еще скромнѣе своего брата. Она, какъ женщина, показала даже болѣе понкоспи и ума, чѣмъ онъ; ибо успѣла избѣгнуть самага легкаго подозрѣнія въ скрытности; она съ такимъ искусствомъ обращала разговоръ на предметы, лично никого не касавшіеся; умѣла сдѣлать оный споль обворожительнымъ, что дѣвица Фонпень почувствовала къ ней нѣкоторую завись, и прозвала Клару сиреною.

Эмилиа имѣла намѣреніе заставить Клару проговориться, а вышло на повѣрку, что Клара спрашивала Эми-

лію. Она хотѣла наблюдать за Кларою, а вмѣсто того подверглась ея наблюденіямъ. Она нѣсколько разъ досадовала, что обнаружила свой характеръ въ нѣкоторыхъ своихъ опвѣтахъ, хитро вынужденныхъ у нея Кларою, кропкій и невинный видъ которой не подавалъ о ея хитрости ни малѣйшаго подозрѣнія.

Было даже мгновеніе, въ которое дѣвица Фоншень, казалось, сожалѣла о своей неблагоразумной выходкѣ прѣтиву простолюдиновъ, возбужденной Кларою.

— Любезная Эмилія, сказала ей сія прелестная дѣвица, я столько наслышалась объ васъ отъ Максимильяна, что, изъ привязанности къ нему, сильно желала узгашъ васъ; но узнавъ васъ, нельзя не полюбить.

— Милая Клара, я опасалась непоправиться вамъ, говоря столь опроменчиво о неблагогородныхъ.

— О! будьте спокойны. Въ нашъ вѣкъ подобныя мнѣнія не ведутъ ни къ чему; что же касается до меня, то они не могутъ оскорбить меня ни мало. Я не подлежу этой категоріи.

Несмотря на сильное честолюбіе, обнаружившееся въ семъ опвѣтѣ, дѣвица Фонпенъ была опъ него въ восхищеніи; ибо она объяснила себѣ сей опвѣтъ по своему, подобно какъ всѣ люди, волнуемые спраслями, объясняютъ прорицанія, т. е. сообразно съ своими желаніями. Оживленіе чѣмъ когда либо, Эмилія пустилась въ танцы, и взирая на Г. Лонгевилля, коего стройная и привлекательная наружность можетъ быть превосходила ея идеаль въ семъ отношеніи, она почувствовала сугубое удовольствіе, помышляя, что онъ благородный. Черные глаза ея блистали, и она танцевала со всѣмъ удовольствіемъ, обрѣпаемымъ въ та-

инстинктивной зашупанности фигуръ и движеній, когда чувствуемъ, что топъ, котораго любимъ, близокъ къ намъ. Никогда чувствованія ихъ не согласовались болѣе, какъ въ сію минушу; и не разъ они ощущали какое-то невольное сотрясеніе, когда законы кадрили предписывали имъ пріятную обязанность коснуться взаимно руками.

Любовники встрѣтили начало осени среди сельскихъ праздниковъ и удовольствій, безусловно предавшись влеченію сладостнѣйшаго въ жизни нашей чувства, и тысячи маловажныхъ случаевъ способствовали усиленію онаго, что легко можетъ вообразить всякій, ибо любовь, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ, вездѣ одинакова. Они познавали одинъ другаго въ той степени, въ какой только можно познавать любя другъ друга.

— Однимъ словомъ, говаривалъ старый дядя, который съ такимъ же вниманіемъ наблюдалъ за сими молодыми людьми, съ какимъ еспесвоиспытатель разсмаприваетъ въ микроскопъ рѣдкую букашку, никогда еще не бывало, чшобы дѣла такого рода принимали споль скорый оборотъ!

Сии слова изумили Г-на и Г-жу Фоншень. Старый Вандеецъ, съ сей минуты, пересталъ бытъ споль равнодушнымъ къ супружеству своей дочери, какъ обѣщалъ недавно предъ симъ. Онъ ѣздилъ въ Парижъ, съ шѣмъ, чшобы узнать нѣкоторыя подробности о молодомъ чловѣкѣ; но напрасно. Озабоченный сею неизвѣстностію, и не зная еще, какія свѣденія могъ ожидать отъ одного чиновника, служащаго въ одной изъ Парижскихъ администрацій, которому онъ поручилъ развѣдать поподробнѣе о семействѣ Г.

Лонгевилля, онъ счелъ за обязанность предостеречь свою дочь, чптобы она вела себя какъ можно оспорожнѣе. Сей родительскій совѣтъ былъ прнятъ съ припворнымъ послушаніемъ, исполненнымъ проніи.

— По крайней мѣрѣ, милая Эмилиа, хотя бы ты его и любила, но не дѣлай ему никакихъ признаній.....

— Бапюшка, правда, я его люблю; но не опкроюсь ему безъ вашего позволенія.

— Но, Эмилиа, подумай, что тебѣ неизвѣсны даже ни его званіе, ни его происхожденіе.

— Это потому только, что я сама хочу быть въ неизвѣстности, опносительно сего предмета. Но, бапюшка, вы сами желали видѣть меня замужемъ, вы предоставили мнѣ свободу сдѣлать выборъ; выборъ мой палъ на него. Чего же еще надобно?

— Надобно еще, любезная дочь, узнать, палъ ли твой выборъ на сына Пера Франціи? . . . . . отвѣчалъ съ ироніею почтенный Вандеецъ.

Эмилія пребыла одну минупу въ молчаніи; но вскорѣ, поднявъ голову, посмотрѣла на своего опца, и сказала ему съ нѣкоторымъ безпокойствомъ:

— Развѣ фамилія Лонгевилей.....

— Прекрапнлась въ лицѣ спараго Дюка, который погибъ на эшафотѣ въ 1793 году. Онъ былъ послѣднею опраслюю послѣдней младшей линіи.....

— Но, бапюшка, естъ много весьма хорошихъ фамилій, происходящихъ опъ побочной линіи . . . . . Исторія Франціи изобилуетъ примѣрами, что Принцы имѣли полосы на своихъ гербахъ.

— Мысли твои очень перемѣнились! сказалъ старый дворянинъ съ улыбкою.

На другой день послѣ сего разговора, семейство Фоншень рѣшилось въ послѣдній разъ провести время въ павильонѣ Боневаль. Эмпія, весьма озабоченная сомнѣніями своего отца, съ живѣйшимъ нетерпѣніемъ ожидала часа, въ который Г. Лонгевиль обыкновенно посѣщалъ ихъ, чтобы получить отъ него удовлетворительное объясненіе.

Послѣ обѣда, она пошла бродить по аллеямъ парка; ибо знала, что пылкій молодой человекъ не замедлитъ прийти въ тѣнистую бесѣдку, въ которой они часто проводили время въ разговорахъ. И теперь она въ эту же сторону направила шаги свои, придумывая, какимъ бы образомъ выведать, не оскорбляя приличій, столь необходимую для нея тайну. Это было довольно затруднительно.

Въ самомъ дѣлѣ, никакое положительное признаніе не связывало ее доселѣ съ Г. Лонгевилемъ. Они оба, въ тайнѣ наслаждались прелестію первой любви; но оба, гордые не менѣе другъ друга, казалось, не хотѣли сознаваться, даже самимъ себѣ, въ ихъ спраспи.

Максимильянъ Лонгевиль, въ копоромъ Клара возбудила справедливыя опасенія на счетъ характера Эмили, былъ въ безпрестанномъ бореніи съ сильною спраспію, свойственною молодости, и вмѣстѣ съ желаніемъ узнать и испытать ту женщину, копорой имѣлъ намѣреніе ввѣрить будущую судьбу и счастье своей жизни. Онъ рѣшился, тогда только пропивустать недоспапкамъ характера Эмили, копорые онъ замѣшилъ, несмотря на свою любовь, когда будетъ увѣренъ въ ея чувствованія къ себѣ; ибо не хотѣлъ подвергашь слѣпому случаю,

ни жребій своей любви, ни судьбу цѣлой жизни. Посему-то онъ и былъ чрезвычайно скромнень въ своихъ разговорахъ, вопреки сильной страсти, обнаруживавшейся въ его взорахъ, обхожденіи и малѣйшихъ поступкахъ.

Съ другой стороны, гордость, свойственная молодымъ дѣвцамъ, и увеличенная въ Эмилиіи глупою снѣсью, происходящею отъ ея красоты и значности фамиліи, не позволяла ей, нѣжною предупредительностію расположить Г. Лонгевиля къ открытію страсти, которая, быстро усиливаясь въ ней самой, иногда влекла ее къ сему желанію.

И такъ, оба любовника, по какому-то сочувствію, понимали свое взаимное положеніе; но даже не желали объяснить себѣ тайныя причины, побуждавшія ихъ къ сему молчанію; ибо въ жизни бываютъ минушы, въ кото-

рыя неизвѣспность плѣняетъ юныя души: и сей самый недоспапокъ опкровенности, казалось, располагалъ ихъ къ помленію другъ друга ожиданіемъ. Г. Лонгевиль хотѣлъ удостовѣриться въ любви своей надмѣнной любовницы по усилію, котораго ей будетъ стоить признаніе; а Эмилія, съ своей стороны, каждую минуту ожидала, что ея обожатель прерветъ слишкомъ почтительное молчаніе.

Дѣвица Фонпень съла на дерновую скамью, и начала размышлять о происшествіяхъ, незадолго предъ симъ случившихся. Въ послѣдніе три мѣсяца, каждый день былъ для нея лепесткомъ душиснаго и блестящаго цвѣтка. Опасенія Г. Фонпена менѣе всего превозили ее. Она истребила въ душѣ своей даже малѣйшее, возбужденное въ ней ея родителемъ, сомнѣніе съми умозаключеніями, которыя свой-

спвенны неопытнымъ молодымъ дѣвщамъ, и которыя показались ей убѣдительными.

Во первыхъ, она по собственному сознанію была увѣрена, что ей невозможно ошибиться; и дѣйствительно, въ продолженіи цѣлаго лѣта, она въ Г. Лонгевилъ не замѣтила ни одного тѣлодвиженія, ни одного слова, которыя бы могли обнаружитъ прошлое происхожденіе его; въ разговорныхъ преніяхъ онъ имѣлъ такой образъ выраженія, который свидѣтельствовалъ, что онъ пріобыкъ къ важнымъ государственнымъ дѣламъ.

— Къ тому жъ, говорила она про себя, какойнибудь должностной челоуѣкъ, или занимающійся торговыми дѣлами, не имѣлъ бы досуга провести цѣлое лѣто посреди полей и рощицъ для того только, чтобы волочиться за мною, и не распочалъ бы драгоцен-

наго для него времени, подобно какомунибудь дворянину, обеспеченному на цѣлую жизнь.

Она была погружена въ мечтанія еще болѣе сладостныя, чѣмъ сіи предварительныя мысли, какъ вдругъ легкой шумъ листьевъ извѣстилъ ее, что нѣсколько минутъ уже, она безъ сомнѣнія была предметомъ нѣмага созерцанія.

— Знаете ли что вамъ непрости-тельно такъ неожиданно являясь передъ дѣвицами . . . . сказала она Г-ну Лонгевиллю.

— Въ особенноти же въ то время, когда онъ заняты своими тайнами, отвѣчалъ онъ.

— Почему же не имѣть мнѣ тайнъ, когда вы имѣете свои? . . . .

— И пакъ, вы въ самомъ дѣлѣ помышляли о вашихъ тайнахъ, возразилъ онъ улыбаясь.

— Нѣтъ, я думала о вашихъ. Мои же — мнѣ извѣсны . . . . .

— Но, произнесъ въ пол-голоса молодой человекъ взявъ руку дѣвицы Фоншенъ и положивъ оную въ свою, ибо она вспала; можетъ быть ваши пайны нераздѣльны съ мои, а мои съ вашими.

Они сдѣлали нѣсколько шаговъ, и остановились подъ густою сѣнію деревьевъ, на которыхъ умирали послѣдніе лучи заходящаго солнца. Сія игра свѣта придавала сей минути какую-то торжественность.

Смѣлый и живой поступокъ молодого человека, въ особенности же волненіе его пламеннаго сердца, неправильное біеніе коего чувствовала нѣжная рука молодой дѣвицы, привели ее въ воспоргъ тѣмъ сильнѣйшій, что причиною онаго былъ самый обыкновенный и невинный случай. Спрогя

приличія, окружающія молодыхъ дѣвицъ большаго свѣта, придають необыкновенную силу порывамъ ихъ рождающихся спраспей, и чрезмѣрная пылкость въ любовникѣ можетъ подвергнуть ихъ величайшимъ опасностямъ.

Никогда еще взоры Эмилии и Максимиляна не были столь краснорѣчивы. Упоенные симъ блаженствомъ, они позабыли тягоспныя условія гордости, недоумчивости и холодныя предписанія разсудка. Въ первую минуту, одно взаимноежатіе рукъ было истолкованелемъ ихъ чувствованій и мыслей.

— Г. Лонгевиль, сказала въ сплномъ волненіи трепещущая Эмилиа, послѣ продолжительнаго молчанія; я должна вамъ сдѣлать вопросъ. Но, ради Бога, возьмите въ соображеніе мои довольно спранныя отношенія къ моему

Фамиліи, которыя принуждаютъ меня къ сему.

Ужасное для Эмилиі молчаніе послѣдовало за сими словами, которыя она произнесла почти заикаясь, и въ продолженіи сего промежутка, сія молодая дѣвица столь гордая, не могла выдержать блестящаго взора ея возлюбленнаго: ибо тайное чувство говорило ей о низости вопроса, который она наконецъ сдѣлала:

— Благороднаго ли вы происхожденія? . . . . .

Произнеся сіи слова, она желала бы скрыться въ глубинѣ морскихъ пучинъ.

— Милоспивая государыня, молвилъ съ важностію Г. Лонгевиль, коего черпы видимо измѣнились и выражались нѣкоторою спрогостию чувство собственнаго достоинства; я обещаюсь вамъ откровенно отвѣчать на сей

вопросъ, когда получу чистосердечный отвѣтъ на тошъ, который вамъ намѣренъ предложить.

Онъ оставилъ руку Эмили, которой въ сію минуту представилось, что она опчуждена отъ цѣлаго міра, и сказалъ ей:

— Съ какою цѣлю вы спрашиваете меня о моемъ происхожденіи? . . . . .

Она стояла неподвижно, и пребыла холодною и безмолвною.

— Милоспивая государыня, продолжалъ Максимильянъ, остановимся, если мы не понимаемъ другъ друга. — Я люблю васъ! . . . . . прибавилъ онъ съ глубокимъ чувствомъ.

— И такъ, произнесъ онъ съ радостнымъ видомъ, услышавъ восклицаніе, вырвавшееся у восхищенной Эмили, къ чему спрашивать, благороднаго ли я происхожденія? . . . . .

— Могъ ли бы онъ говорить такъ, еслибы не былъ благороднымъ ? . . . . . опозвался внутренній голосъ , которъй Эмилія считала выходящимъ изъ глубины души. Она съ пріятностію подняла голову , казалось почерпнула новую жизнь во взорѣ молодаго чело-вѣка , пропянула ему руку , какъ бы желая заключить новый союзъ , и спро-сила его съ лукавою улыбкою:

— Вы думали , что я много доро-жу почестями? . . . . .

— Я не имѣю шипуловъ , которые бы могъ предложить женѣ моей! опивъ-чалъ онъ съ видомъ полу-веселымъ и полу-важнымъ. Но если я изберу су-пругу въ знашномъ кругу , и между пѣми женщинами , которыхъ богат-ство пріучило къ удовольствіямъ рос-коши , то буду знать и обязанности , которыя сей выборъ на меня нала-гаетъ. Любовь снабжаетъ всѣмъ , при-

бавилъ онъ съ веселоспiю ; но однихъ-только любовниковъ. Что касается до супруговъ , то для нихъ нужно еще кое-что, кромѣ шапра небеснаго, сочныхъ плодовъ и муравы полей.

— Онъ богатъ, сказала Эмилиа про себя. Что касается до пшпуповъ — то можеть бытъ онъ желаетъ только испытать меня ! . . . Вѣроятно ему сказали, что я помѣшана на дворянствѣ , и что не рѣшалась выйти ни за кого, какъ за Пера Франціа. Ужъ вѣрно мои проказницы-сестрицы удружили мнѣ въ эпомъ.

— Увѣряю васъ, Г. Лонгевиль, что мои мнѣнія о свѣстѣ были весьма превеллчены ; нынѣ же, сказала она бросивъ на него упоишельный взглядъ, я знаю, въ чемъ состоятъ истинныя богатства.

— Мнѣ нужна увѣренность , что вы говорите чистосердечно, отвѣчалъ

онъ съ нѣжноспію и вмѣспѣ съ какою-то важностію. Въ наспупающую зиму, милая Эмилиа, и бытъ можетъ, менѣе чѣмъ черезъ два мѣсяца, я спану гордишься шѣмъ, чпѣ въ соспоаніи буду предложитъ вамъ, если вы только дорожитѣ наслажденіями богачспва. Это единственная тайна, которая будетъ хранишься здѣсь (онъ приложилъ руку къ сердцу), ибо отъ успѣха сего дѣла, зависитъ мое счаспіе . . . . . не смѣю сказатъ наше? . . . . .

— О скажитѣ, скажитѣ . . . . .

Они шли медленными шагами, и продолжали сію сладоспную для нихъ бесѣду, пока не вошли въ госпиную, гдѣ уже собралось общеспво. Никогда еще дѣвица Фонпенъ не находила своего возлюбленнаго споль любезнымъ, споль оспроумнымъ. Спройная его наружность, его обходительность, казался ей еще болѣе привлекательными

послѣ того разговора, который, нѣко-
порымъ образомъ, удостовѣрилъ ее,
что она владычествуетъ надъ серд-
цемъ, достойнымъ быть предметомъ
зависли всякой женщины. Они пропѣ-
ли вмѣстѣ Ипаліанскій дуэтъ съ та-
кимъ восхищительнымъ чувствомъ,
что все собраніе изъявило имъ свое
удовольствіе съ нѣкоторымъ востор-
гомъ. Ихъ прощаніе сопровождается
было какими-то условными выраже-
ніями, которыя скрывали пріятнѣй-
шее чувство. Однимъ словомъ,
эпопѣя день былъ для Эмилии какъ бы
цѣпью, связывающею ея судьбу съ
судьбою сего блестящаго незнакомца.
Твердый характеръ и благородная
гордость, обнаруженные имъ въ тай-
номъ разговорѣ, въ которомъ они
повѣрили другъ другу взаимныя чув-
ствованія, возбудили, можетъ быть,
въ дѣвицѣ Фонтень то уваженіе,

безъ котораго нѣтъ истинной любви.

Когда Эмилія оспалась въ гостиной одна съ опцомъ, благородный Вандеецъ подошелъ къ ней, взялъ ее съ родительскою нежностію за руку, и спросилъ не узнала-ли она чего нибудь о состояніи Г-на Лонгевиля, о его званіи и фамиліи, на что дѣвица Фоншень отвѣчала:

— Да, любезный, добрый мой бапюшка, я болѣе счастлива нежели могла желать; я ни за кого другаго не рѣшусь выйти замужъ, какъ за Г-на Лонгевиля.

— Хорошо, Эмилія, возразилъ Графъ, я знаю, что должно предпринять.

— Не знаете ли вы можете быть какого нибудь препятствія? спросила она съ истиннымъ и сильнымъ безпокойствомъ.

— Любезная дочь моя, эпопть молодой человекъ вовсе неизвѣстенъ ; но коль скоро онъ не безчестный человекъ, и ты его любишь, то онъ близокъ къ моему сердцу, какъ родной сынъ.

— Безчестный человекъ! . . . . возразила Эмилия ; о ! я совершенно спокойна на эпопть счётъ ! Дядюшка можетъ отвѣчать за Г-на Лонгевиля, ибо самъ представилъ намъ его! . . . . .

— Скажите, любезный дядюшка, былъ ли онъ флибустьеромъ, пиратомъ, морскимъ разбойникомъ? . . . . .

— Такъ ! я навѣрное зналъ, что буду здѣсь, вскричалъ, просыпаясь, старый морякъ.

Онъ посмотрѣлъ вокругъ себя ; но племянница его исчезла, подобно огню Св. Эльма, появляющемуся на вершинахъ мачтъ, по обыкновенному его выраженію.

— Ну, любезнѣйшій, сказала Г. Фоншень Графу Кергаруэпу, какъ же вамъ не стыдно было скрывать отъ насъ то, что вы знали объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Вы вѣроятно замѣтили, какъ мы беспокоились о семъ предметѣ. Изъ хорошей ли онъ фамиліи?

— Я его и знать не знаю! вскричалъ Графъ Кергаруэпъ. Положившись на вкусъ этой дуручки, я представилъ ей Адониса, для чего воспользовался средствомъ мнѣ извѣстнымъ. Я знаю, что онъ превосходно спрѣляется изъ пистолета, славный охотникъ, съ совершенствомъ играетъ на биліардѣ, въ шахматы, въ трикпракъ; фехтуетъ и ѣздитъ верхомъ, какъ покойный Шевалье С. Жоржъ. Онъ маспакъ въ виноградномъ дѣлѣ; онъ вычисляеть, какъ Баремъ; рисуеть, танцуеть и поеть прекрасно. Кой-чортъ вамъ надобно

еще? — Если все сіе не составляетъ совершеннаго дворянина! то укажи-тека мнѣ на мѣщанина, который бы зналъ все это. Найдите мнѣ человека, который бы жилъ такъ благородно какъ онъ? . . . . Имѣетъ ли онъ какую нибудь должность? Унижаетъ ли онъ свое достоинство, таскаясь по конторамъ, сгибаясь передъ мѣлопомѣстными, которыхъ вы величаете названіемъ главныхъ директоровъ? . . . . Онъ ходитъ прямо . . . . Молодецъ, хоть куда. Да вотъ еще, въ добавокъ, я сей часъ нашелъ, въ жилетномъ карманѣ, его карточку, которую онъ мнѣ далъ, когда думалъ, что я перерѣжу ему горло. Бѣдняжка! Нынѣшняя молодежь совсѣмъ не хитра! Возьмите, вотъ его адресъ.

— Въ улицѣ Саншье, № 5 . . . . сказалъ Г. Фоншень, и между тѣмъ старался вспомнить изъ всѣхъ собран-

ныхъ имъ свѣденій то, которое могло касаться молодаго незнакомца. Кой чорпъ, что это значить? Это кварта Гг. Георга Брумера, Шилькена и компаніи. Они банкиры, коихъ главный предметъ торговли составляютъ кисея, кашко, сипцы и Богъ - въспъ что еще. — А! а! попалъ. Лонгевиль, депупапъ, имѣетъ дѣловыя сношенія съ ихъ домомъ. — Такъ! но у Лонгевилья, кажется, одинъ только сынъ, тридцати-двухъ лѣтъ, котораго я знаю, и который совсѣмъ не похожъ на эпаго Лонгевилья. Онъ объявилъ, что послѣ женишбы дастъ сыну пятьдесятъ тысячъ ливровъ въ годъ, чтобы онъ могъ взять дочь какого нибудь министра, ибо отецъ самъ желаетъ быть Перомъ такъ же, какъ и всякій другой. — Никогда еще онъ мнѣ не говорилъ объ этомъ сынѣ. — Правда, у него есть двѣ дочери, но, кажется,

ни одной не зовушь Кларою. Къ тому жъ, какой нибудь удалецъ могъ назваться Лонгевилемъ. — Но, кажется, домъ Бруммера, Шилькена и компаніи почти обанкрүпился отъ неудачной спекуляціи въ Мексикѣ или въ Индіяхъ . . . . . Я провѣдаю объ этомъ подробнѣе.

— Ты говоришь одинъ, какъ будто на театрѣ, и кажись меня не ставишь ни во что, возразилъ вдругъ старый морякъ. Развѣ ты не знаешь, что будь онъ только дворянинъ, то у меня въ ложахъ найдется не одинъ мѣшокъ, чтобы уладить его денежные обстоятельства.

— Что касается до этого! . . . . — сказалъ Г. Фоншень, качая головою съ права на лѣво, такъ Г. депушанъ Лонгевиль не могъ купить даже и секретарской должности при Королѣ. До революціи онъ былъ прокуроромъ, и час-

лица *de*, которую онъ принялъ послѣ возстановленія, принадлежишь ему сполько же, какъ и половина его имущества.

-- Ба! ба! . . . . . вскричалъ съ веселостию морякъ, счастливы тѣ, коихъ опцы были повѣшены! . . . . .

Спустя прое или четверо сутокъ послѣ сего достопамятнаго дня, въ одно прелестное Ноябрьское утро, принадлежащее къ числу тѣхъ, въ которыхъ Парижане видяшь свои бульвары мгновенно разчищенными, по милости довольно пронзительнаго холода опъ перваго мороза, дѣвица Фоншень, одѣтая въ новую шубу, чпо она хотѣла ввести въ моду, выѣхала съ одною изъ своихъ сесперъ и Баронессою Фоншень, которыхъ она прежде наиболѣе осыпала эпиграммами.

Сии три дамы приняли участіе въ сей Парижской прогулкѣ не сполько

опъ желанія пощеголять блестящимъ экипажемъ и одеждою, которая должна была служить образцемъ зимнихъ модъ, сколько опъ неперпѣннѣ увидѣлъ превосходный пелеринъ, коего оригинальный и щегольской покррой одна изъ ихъ прїятельницъ замѣтила въ богатомъ магазинѣ, на углу улицы *de la Paix*.

Когда онѣ вошли въ модную лавку Г-жа Баронесса Фоншенъ дернула Эмилию за рукавъ, и глазами показала ей Г. Максимиляна Лонгевиля. Онъ сидѣлъ за конторкою, и съ ловкостію, въ полномъ смыслѣ купеческою, давалъ сдачи съ золотой монеты, торговкѣ полошнами, съ которою, по видимому, онъ былъ въ сношеніяхъ, ибо держалъ въ рукахъ нѣсколько обращиковъ. Это не оставляло никакого сомнѣннѣ на счетъ его почешнаго званнѣ.

Эмилиа поблѣднѣла, по жиламъ ея пробѣжала дрожь, но никпо эпаго не замѣшля; и благодаря искусству владѣть собою, къ каковому привыкають въ хорошемъ кругу, она умѣла совершенно скрыть ярость, гнѣздившуюся въ ея сердць, и отвѣчала своей сеспрѣ: — Я это знала! . . . . такимъ твердымъ голосомъ, и съ такимъ неподражаемымъ выраженіемъ, чпо возбудила бы зависть въ самой дѣвицѣ Марсь.

Она подошла къ конпоркѣ. Г. Лонгевиль поднялъ голову, спряпалъ обрашкн въ свой боковой карманъ съ ловкостію и съ убійственнмъ хладнокровіемъ; онъ, поклонясь дѣвицѣ Фоншень, приблизился къ ней и бросилъ на нее пронцапельный взглядъ.

— Я опошлю, сказалъ онъ порговкѣ, которая съ сильнымъ безпокойствомъ слѣдила его глазами, я опошлю

повѣрить этою съчетъ; ибо банкиру нашего дома такъ угодно.

— Но вопль, прибавилъ онъ на ухо молодой женщинѣ, подавая ей банковый билетъ въ тысячу франковъ, возьмите. — Мы сочтемся.

— Я надѣюсь, сударыня, что вы меня извините, сказалъ онъ обращаясь къ Эмили. Вы вѣроятно не взыщете за непріятное принужденіе, которое налагаю на меня дѣла.

— Но, любезный, мнѣ кажется, что ты напрасно извиняешься! . . . . опивчала дѣвица Фоншенъ, смотря на него съ равнодушнымъ спокойствіемъ и съ насмѣшливою небрежностію, такъ что можно было подумать, будто она видитъ его въ первый разъ.

— Вы не шутите? спросилъ Максимилянъ голосомъ, показывающимъ сильное его смущеніе.

Эмилія обернулась къ нему спиною съ крайнею неучтивостію. И какъ сей краткій разговоръ происходилъ въ полголоса, то и не былъ услышанъ любопытными сестрами надмѣнной дѣвцы Фоншень. Въ нѣсколько секундъ сія послѣдняя спорговала пелеринъ, и съла поспѣшно въ коляску.

Когда при дамы усѣлись въ экипажъ, то Эмилія, сидѣвшая напередѣ, не могла удержаться, и бросила послѣдній взглядъ во внутренность сей ненавистной лавки, въ коей увидѣла Г. Максимиляна, блѣднаго, неподвижнаго, съ сложенными на груди руками, и стоящаго въ положеніи человѣка, который превыше злосчастія, неожиданно постигшаго его. Взоры ихъ встрѣпились; и подобно двумъ молніямъ, блеснули непримиримою враждой. Каждый изъ нихъ надѣлся, что жестоко уязвятъ сердце имъ любимаго существа.

ва, и по прошествіи одной только минуты, они находились такъ далеко другъ отъ друга, какъ будто бы одинъ изъ нихъ былъ въ Кипаѣ, а другая въ Гренландіи.

Тщеславіе дышетъ чѣмъ-то всеизсушающимъ, и теперь, дѣвица Фоншенъ жила въ холодной атмосферѣ сего чувствованія. Бывъ жертвою сильнѣйшаго изъ бorenій, попрысающихъ сердца молодыхъ дѣвицъ, она также и познала съ избыткомъ плоды горестей, копорья, предразсудки и мелочныя условія свѣта, посѣваяють въ душѣ человѣческой. На ея лицѣ, недавно споль свѣжестъ и нѣжномъ, видны были теперь желтые оппѣнки, красныя пятна, а иногда на ея ландшахъ вдругъ просупалъ зеленоватый цвѣтъ. Надѣясь скрыть свое смущеніе отъ сестеръ своихъ, она, смѣясь, указывала имъ на проходящихъ, на туалеты, на

забавныя лица; но сей смѣхъ былъ судорожный, и она внутренно была оскорблена болѣе ихъ молчаливостію, которая ей казалась выраженіемъ сожалѣнія о ней, чѣмъ самыми эпиграммами, коими бы онѣ могли ей опомспить. Она употребила все свое остроуміе, чтобы завести съ своими двумя сестрами разговоръ, и воспользовалась онымъ, какъ оружіемъ противъ нихъ же, стараясь уполнить свой гнѣвъ безумными прозивурѣчіями. Она злословила торговлю и негоціаншовъ, и осыпала ихъ площадными эпиграммами.

Пріѣхавъ домой, Эмилія слегла въ постель; ибо ее схватила лихорадка, признаки которой показались сначала опасными. Но, благодаря попеченіямъ ея родителей и стараніямъ врачей, она, черезъ недѣлю, была возвращена своему семейству. Всѣ думали, что сей урокъ послужитъ къ укрощенію ха-

ракпера Эмилии; но она, нечувствительнымъ образомъ, возвращалась къ прежнимъ своимъ привычкамъ; и, не болѣе какъ черезъ двѣ недѣли, вновь бросилась въ вихрь свѣта.

Она говорила, что нѣтъ никакого стыда ошибиться; и что еслибы она, подобно ея отцу, имѣла какое нибудь вліяніе въ Палатѣ, то непременно добилась бы того, чтобы положено было новымъ закономъ: всѣмъ купцамъ, въ особенності же продавцамъ кашко, до прервьяго поколенія, налагать клеймо на лбу; подобно Беррійскимъ баранамъ; или бы выхлопотала, чтобы одни дворяне имѣли исключительное право носить спаринные Французскіе кафшаны, которые были шакъ къ лицу царедворцамъ Людовика XV^{-го}; наконецъ, она утверждала, будто бы для Франціи можетъ со временемъ произойти большой вредъ, если не будетъ

никакого различія между купцомъ и Перомъ въ самомъ наружномъ видѣ; тысячи подобныхъ сарказмовъ, которые легко отгадать, сыпались одинъ за другимъ, когда только Эмилія была наведена какимъ нибудь случаемъ на сей предметъ.

Но тѣ, которые любили Эмилію, замѣчали сквозь сіи насмѣшки, оппѣнокъ меланхоліи, по которому они заключали, что Максимильянъ Лонгевиль владычествовалъ, по прежнему, надъ симъ непзъяснимымъ сердцемъ. Она, по дѣлалась споль кропкою, какова была въ по быспро-умчавшееся лѣпо, въ которое родилась ея любовь, по вдругъ дѣлалась несносною болѣе, нежели когда нибудь; но всѣ молчаливо извиняли сію нерѣвность характера, источникъ которой было мученіе тайное, и вмѣстѣ всѣмъ извѣстное.

Графъ Кергаруэпъ снискалъ нѣкоторую власть надъ Эмилиєю, сдѣлавшись къ ней еще болѣе щедрымъ, чпю рѣдко не удается въ отношеніи къ молодымъ Парижанкамъ.

Первый балъ, на которомъ явилась дѣвица Фонпенъ, былъ у Неаполитанскаго Посланника. Въ ту самую минуту, когда она спала въ одинъ изъ самыхъ блестящихъ кадрили, увидѣла въ нѣсколькихъ шагахъ опъ себя Г. Лонгевилля; отверженный ею обожатель сдѣлалъ легкій знакъ головою танцующему съ нею мушкетеру, которому она подавала руку.

— Эпопъ молодой человекъ вамъ другъ? . . . . спросила она своего кавалера съ видомъ небрежности.

— И очень, отвѣчалъ онъ. — Эпо мой братъ.

Эмилиа невольно содрогнулась!

— Ахъ! еслибы вы его знали!..... продолжалъ онъ съ энтузіазмомъ. Благороднѣе его души, нѣтъ въ цѣломъ свѣтѣ . . . . .

— Знаете ли вы мое имя? . . . . . спросила Эмилія, перебивая его съ живостию.

— Нѣтъ, сударыня. Я сознаюсь въ томъ, что забылъ имя, которое на всѣхъ устахъ, или справедливѣе, во всѣхъ сердцахъ, есть преступленіе. Я только что пріѣхалъ изъ Германіи. Посланникъ, при которомъ я нахожусь, теперь въ отпуску въ Парижѣ, и поручилъ мнѣ быть на балѣ дядькою его любезной жены, которую вы можете видѣть вопъ шамъ, въ углу.

— Но это самая прагическая маска! сказала Эмилія, всмотрѣвшись въ жену посланника.

— Однакожъ, это ея лице . . . . . возразилъ молодой человекъ улыбаясь.

Волею или неволею, а надобно будетъ мнѣ шанцовать съ нею! Посему я и желалъ имѣть вознагражденіе . . . . .

Дѣвица Фонпенъ наклонилась.

— Я чрезвычайно удивился, продолжалъ болливый секретарь посольства, когда встрѣнилъ здѣсь моего брата. Пріѣхавъ изъ Вѣны, я узналъ, что бѣдняжка лежишь больной въ постель. Я было намѣревался, передъ баломъ навѣспить его; но за полиппкою не всегда бываетъ досугъ думать о семейственныхъ привязанностяхъ; и дѣйствительно, *la dona della casa* не позволила мнѣ завернуть къ бѣдному моему Максимилянну.

— Вашъ братъ не служишь, какъ вы, по дипломатической части? . . .
сказала Эмилія.

— Нѣтъ, бѣдняжка!! . . . . .

Внутренній секретарь вздохнулъ, и продолжалъ:

— Онъ пожертвовалъ собою за меня! . . . . Онъ и сестра моя Клара добровольно отказались отъ своихъ участковъ въ имѣніи нашего отца, дабы бапюшка могъ составить мнѣ значительный майорантъ; ибо онъ мешинтъ въ Перы, подобно всѣмъ тѣмъ, которые подають голоса въ пользу министерства. — Бапюшкѣ уже дано слово, что онъ будетъ Перомъ, прибавилъ дипломатъ въ пол-голоса. — Поэтому-то мой братъ, собравъ нѣкоторыя капиталы, поступилъ къ одному банкиру, и вскорѣ имѣлъ успѣхъ въ своемъ предпріятіи! . . . . .

Я знаю, что онъ недавно произвелъ оборотъ въ Бразиліи, который можетъ сдѣлать его миллионеромъ; и я весьма радъ тому, что могъ, своими дипломатическими сношеніями, быть ему полезнымъ въ этомъ дѣлѣ. Я даже ожидаю съ неперпѣніемъ депеши отъ Бра-

эльскаго посольства, которая вѣрно
сгладитъ его морщины. — Какого вы
объ немъ мнѣнія?

— Мнѣ кажется, что лице вашего
брата не показываетъ, чтобы онъ
былъ человекъ, котораго много зани-
маютъ деньги . . . . .

Молодой дипломатъ бросилъ ис-
пышующій взглядъ на лице Эмили, по
видимому спокойное.

— Какъ, сказалъ онъ улыбаясь, дѣ-
вицы могутъ читать и сердечныя
тайны на нѣмомъ челѣ?

— Вашъ братъ влюбленъ? . . . .
спросила Эмили съ прищворнымъ лю-
бопытствомъ.

— Да! сестра моя Клара, о кото-
рой онъ печется съ материнскою нѣж-
ностію, писала мнѣ, что нынѣшнимъ
лѣтомъ, онъ влюбился въ очень милень-
кую дѣвицу; но послѣ того, я не по-

лучаль никакого извѣстія о послѣдствіяхъ его спраши.

Повѣрите ли вы, что бѣдняжка вставалъ въ пять часовъ утра, и ѣздилъ по своимъ дѣламъ, дабы къ чепыремъ поспѣвать на дачу къ своей возлюбленной: въ сихъ то разъѣздахъ онъ и замучилъ славную лошадь, самой чистой породы, которую я ему подарилъ. Простите мнѣ мою болпливость, сударыня, но я только что возвратился изъ Германіи, и съ годъ уже не слыхалъ правильнаго Французскаго языка; я жаждалъ видѣть Французскія лица, ибо пресыщлся Нѣмецкими до такой степени, что въ моемъ папріотическомъ бѣшенствѣ, кажется, говорилъ бы съ украшеніями кандеабровъ, лишь бы только они были издѣлія Французскаго. И если я увлекаюсь въ моемъ разговорѣ болѣе, нежели свойственно дипломату, то виноваты вы, сударыня! . . . . Не

вы ли показали мнѣ брата? . . . . . а когда идешь рѣчь объ немъ, то я не могу довольно наговориться. О! я бы желалъ сказать цѣлому свѣту, сколько онъ великодушенъ. Дѣло шло не менѣе, какъ о ста двадцати тысячахъ ливровъ годоваго дохода, приносимыхъ имѣніемъ Лонгевиля, которыми онъ предоставилъ нашему опцу располагать въ мою пользу.

Сими важными подробностями, на счетъ фамиліи Лонгевиля, Эмилія была опчасти одолжена искусству, съ которымъ она умѣла заставить говорить довѣрчиваго своего кавалера, когда узнала, что онъ братъ отвергнутаго ею любовника. Сей разговоръ, который былъ веденъ въ пол-голоса, и нѣсколько разъ прерываемъ, коснулся сполькихъ предметовъ, что излишне было бы приводить оный вполнѣ.

— Могли ли вы, безъ нѣкотораго сожалѣнія, видѣть, что вашъ братъ продаетъ кисею и калико? . . . . спросила Эмилія, окончивъ прервшею фигуру кадриля.

— Откуда вы это знаете? . . . . спросилъ дипломапъ; ибо, сколько я ни велерѣчивъ, но, слава Богу, обладаю уже даромъ высказатъ только то, что хочу, подобно всѣмъ питомцамъ педальствъ, которые мнѣ знакомы.

— Увѣряю васъ, что вы мнѣ сами сказали.

Г. Лонгевиль посмопрълъ на Эмилию съ любопытствомъ, исполненнымъ прозорливости. Подозрѣніе вкралось въ его душу. Испытующимъ взоромъ онъ посмопрълъ на брата, потомъ на свою даму, и, угадавъ все, всплеснулъ руками, поднялъ глаза къ потолку, и, захохотавъ, воскликнулъ:

— Я сущій дуракъ! . . . . . Вы первая красавица на балъ . . . . . мой братъ сморщилъ на васъ украдкою, онъ танцуетъ несмотря на свою лихорадку, а вы припворяетесь, что не видите его. — Осчастливьте брата, сказалъ онъ, опводя Эмилию къ старому ея дядѣ; я не буду ревновать; но буду держать свое сердце обѣими руками, называя васъ: — Сестрица . . . .

Но любовники должны были остаться непреклонными другъ къ другу.

Во второмъ часу, послѣ полуночи, всѣ пошли въ обширную галерею, въ которой приготоваень былъ ужинъ; столы разставлены были какъ у рестораторовъ, дабы особы одной касты могли помѣститься вмѣстѣ.

Случай всегда благопріятствуетъ любовникамъ: дѣвица Фонпенъ занимала мѣсто за столомъ, въ смежности котораго помѣстились особы, первец-

спивующія на семь балъ, въ кругу копорыхъ находплся и Максимильянь. Эмилія съ большею внимательностію вслушивалась въ разговоры своихъ сосѣдей, и посему могла разслышать бесѣду, каковыя очень часто, и такъ легко заводятся между тридцатилѣтними женщинами и молодыми людьми, имѣющими привлекательную наружность Максимильяна Лонгевиля.

Дама, разговаривавшая съ молодымъ банкиромъ, была Неаполитанская Дюшесса; ея взгляды блиспали молніями, а нѣжная, бѣлая кожа имѣла блескъ апласа. Короткостъ въ обхожденіи съ нею, которую молодой Лонгевиль старался показать, тѣмъ болѣе оскорбила дѣвицу Фонпень, что она, заминушу предъ тѣмъ, возвратила своему любовнику съ избыткомъ прежнюю свою нѣжность.

— Такъ, милоспивый государь, въ моемъ опечествѣ, истинная любовь готова на всѣ возможные пожертвованія, жеманясь говорила Дюшесса.

— У васъ женщины болѣе пылки въ своихъ спрасняхъ, чѣмъ Французенки, сказалъ Максимилянъ, воспаленный взглядъ котораго упалъ на Эмилию. Онъ всѣ: *суета суеть*.

— О! милоспивый государь, возразила дѣвица Фонпенъ съ живостію, грѣшно клеветать на свое опечество. Самоотверженіе не чуждо ни одной спранѣ.

— Думаете ли вы, съ сардоническою улыбкою, сказала Испаліанка Эмилиа, что у Парижанки станеть довольно духа, чтобы сопровождать всюду того, кого она полюбитъ?

— Позвольте, сударыня; объяснимся сперва! Можно погребсти себя въ пустынь, обречь себя на кочевую жизнь; но съестъ за конпоркою лавки . . . . .

Она окончила свою мысль жестомъ отвращенія.

Такимъ образомъ вліяніе превратнаго воспитанія на Эмилию, два раза расширило ея раждающееся счастье и будущую судьбу. Минимая холодность Максимильяна и улыбка женщины, вырвали у нея одинъ изъ тѣхъ жестокихъ сарказмовъ, опъ которыхъ она никогда не удерживалась.

— Сударыня, сказалъ ей въ пол-голоса Г. Лонгевиль, пользуясь шумомъ, вспающихъ изъ за стола, никто не будетъ возсылать молитвъ, болѣ искреннихъ чѣмъ я, для вашего счастья. Позвольте, прощаясь съ вами, изъявить вамъ сіе увѣреніе; ибо, чрезъ нѣсколько дней, я ѣду въ Испалію.

— Вѣроятно съ какою нибудь Дюшессою?

— Нѣтъ, сударыня, но можеть

быть съ смертельнымъ недугомъ въ груди.

— Не пустая ли это мечта?..... спросила Эмилія, бросивъ на него безпокойный взглядъ.

— Нѣтъ, опвѣчалъ онъ, есть такія раны, которыя никогда не закрываются . . . . .

— Вы не поѣдете! . . . . . улыбаясь сказала повелительнымъ голосомъ Эмилія.

— Я поѣду, возразилъ съ нѣкоторою важностію Максимильянь.

— Когда-возвратитесь, то я буду замужемъ . . . . . предъупреждаю васъ! сказала она съ кокетствомъ.

— Я желаю эшаго.

— Насмѣшникъ! вскричала она, какъ жестоко онъ мспитъ! . . . . .

Черезъ двѣ недѣли Максимильянь Лонгевиль, сдѣлавшійся милліонеромъ, отправился съ своею сестрою Кларою

къ теплымъ, поэтическии спранамъ прелестной Ипаліи, оставивъ дѣвицу Фоншень жертвою жестокихъ, мучительныхъ сожалѣній объ своей упрямѣ.

Вступившись за своего брата, молодой, веселой секретарь посольства умѣлъ жестоко опмспить надмѣнной Эмилии, сдѣлавъ гласными причины распри между двумя любовниками, и пламя ей съ лихвою сарказмами за тѣ, которые она прежде распочала. Не разъ, онъ срывалъ улыбку съ какихъ нибудь *Превосходительныхъ* успѣвъ, описывая прелестную непріятельницу конторъ; амазонку, которая проповѣдывала крестовый походъ пропивъ банкировъ; наконецъ дѣву, любовь коюрой испарилась передъ аршиномъ кисей. То былъ непрерывный фейерверкъ лзвительныхъ шутокъ. А посему, Графъ Фоншень нашелся въ необходимости

употребить силу, въ которой онъ былъ тогда, чтобы выхлопотать Г. Августу Лонгевиллю мѣсто при Французскомъ посольствѣ въ Россіи, и пѣмъ избавить свою дочь отъ преслѣдованій молодаго ея гонимеля, который не переставалъ изливаться на нее свои насмѣшки.

Вскорѣ потомъ, министерство принуждено было дѣлать наборъ Перовъ, дабы поддержать аристократическія мнѣнія, которые начинали уже колебаться въ благородной Палатѣ отъ могущественнаго гласа знаменитаго оратора-писателя. Г. Лонгевиль получилъ достоинство Пера Франціи и Виконта. Г. Фонтевь также получилъ Перство: сія награда принадлежала ему какъ за вѣрность, оказанную имъ въ черные дни, такъ и за испорченное его имя, котораго не доспавало въ наследственной Палатѣ.

Въ сіе-то время дѣвица Фоншенъ, которой исполнилось двадцать два года, начала размышлять вникательнѣе о жизни. Нечувствительнѣе, она перемѣнила свой тонъ и обхожденіе. Въ-мѣсто того, чшобы подшучивать, какъ прежде, надъ своимъ дядей, она теперь изъявляла ему нѣжнѣйшія пощенія. Она приносила дядѣ кспыль съ такимъ пошюльнымъ усердіемъ, что часто подавала поводъ посмѣяться надъ собою. Она ходила съ нимъ подъ руку, ѣздила съ нимъ въ каретѣ, и сопровождала его во всѣхъ прогулкахъ. Она даже увѣряла его, что ее нимало не беспокоитъ запахъ табаку, и читала ему любимую его *Gazette de France*, посреди облаковъ табачнаго дыма, которыя лукавый морякъ нарочно пускалъ въ ея сторону. Она выучилась играть въ пикетъ, чтобы дѣлать партію старому Графу. Наконецъ, сія

молодая мечтательница слушала съ чудеснымъ вниманіемъ рассказы, которые ея дядя начиналъ повременно, о сраженіи корабля *la Belle-Poule*, о манёврахъ *Горда Парижа*, о первой экспедиціи Г. Сюфрена, или объ Абукирской битвѣ.

Хотя старый морякъ и говаривалъ часто, что онъ слишкомъ хорошо знаетъ долготу и широту своего мѣста плаванія для того, чтобы молодая корветка могла его захватить; несмотря на это, вдругъ узнали въ гостиницѣ Парижа, что дѣвица Фоншель вышла замужъ за Графа Кергаруэта.

Молодая Графиня давала пышные праздники, чтобы заглушить внутренній голосъ ея сердца; но она вѣроянно нашла ничтожество посреди сего вихря, роскошь котораго не могла совершенно скрыть пустоту и злосчастіе страдающей ея души; ибо,

почти всегда, прелестное лице ея выражало тайную печаль. Эмилія, казалось, была весьма почтительна къ своему старому мужу, и предъупреждала малѣйшія его желанія. Графъ Кергаруэпъ, уходя по вечерамъ въ свои покои, при звукѣ веселаго оркестра, часто, смѣясь, говаривалъ своимъ спарымъ товарищамъ, будто онъ самъ не понимаетъ, что съ нимъ спалось, и что онъ никогда бы не могъ и подумать, что въ 75-ть лѣтъ, ему доведется бытъ доцманомъ на *Прекрасной Эмилии*.

Впрочемъ, поведеніе Графини до такой степени было непорочно, что самая дальновидная криптика не находила для себя пищи. Думали, что Консръ - Адмиралъ предоставилъ себѣ право располагать своимъ имѣніемъ, дабы *держатъ въ рукахъ* свою жену; но сіе неосновательное предположеніе было столь же оскорбительно отно-

сипельно къ дядѣ, какъ и къ самой племянницѣ. Обхожденіе двухъ супруговъ было обдуманно съ такою расчешливостію, что самые хитрые наблюдатели не могли почти рѣшить, поступаетъ ли старый Графъ съ женою, какъ съ супругою, или какъ съ дочерью. Часто онъ говаривалъ, что прирѣлъ свою племянницу, какъ бы прирѣлъ прешерпѣвшую кораблекрушеніе, и что вспаръ, когда бывало ему удавалось спасать на своемъ кораблѣ врага отъ жестокости бурь, то никогда не употреблялъ во зло своей власти. Вскорѣ Графиня Кергаруэпъ нечувствительна сдѣлалась неизвѣстною, чего она сама желала, и въ Парижѣ переспали занимать ея.

Спустя два года послѣ ея брака, она, блещущее чѣмъ когда нибудь, сидѣла въ одной изъ древнихъ госпитальныхъ Сен-Жерменскаго предмѣстья,

въ которыхъ ея характеръ, достойный древнихъ временъ, возбуждалъ удивленіе, какъ вдругъ лакей, звонкимъ голосомъ, доложилъ о прїездѣ Г. Виконта Лонгевилля. Къ счастью Графини, она сидѣла въ опдаленномъ углу гостиной, и играла въ пикетъ съ Персеполисскимъ Епископомъ, почему ея смущеніе не могло бытъ никѣмъ замѣчено.

Оглянувшись назадъ, она увидѣла Г. Максимильяна во всемъ блескѣ юности. Съ смертію отца и брата, убитаго суровостію С. Петербургскаго климата, на прелестную его главу возложены наследственные перья достоинства Пера. Его богатства равнялись его образованности и заслугамъ. Еще наканунѣ того дня, юное и пламенное его краснорѣчіе просвѣщало законодательную мудрость собранія. Въ сіе мгновеніе онъ явился Эмилиі, какъ

лучезарный ангель. Онъ былъ свободенъ, и осыпанъ всѣми дарами, которыми прискорбная Графиня желала надѣлать свой идеаль. Въ госпиныхъ гордились присутствіемъ Виконпа, а мапери, у которыхъ были незамужнія дочери, осыпали его ласками. И онъ дѣйствительно былъ одаренъ тѣми добродѣтелями, которыя предполагали въ немъ, судя по одной пріятной его наружности; Эмилія же, лучше, нежели кто нибудь, знала, что Максимилянъ обладалъ пою твердосію характера, которая въ мужѣ есть залогъ блаженства для жены.

Обратившись тогда къ Адмиралу, который, по любимому его изрѣченію, казалось, еще не скоро *пригальтѣ къ пристани*, Эмилія бросила покорный, но скорбный взглядъ на сѣдовласую его голову. Она вспомнила въ одну минуту всѣ заблужденія своего дѣш-

спва, укоряла себя въ нихъ, вздохнула, и проклинала порговокъ полопнами; въ сіе самое мгновеніе Епископъ сказалъ ей съ нѣкоторою папріархальною граціею:

— Прелестная Графиня, такъ какъ вы сбросили вашего *червоннаго короля*, то я выигралъ; но не жалѣйте вашихъ денегъ, я ихъ опдамъ въ пользу моихъ семинарій.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЕЙ СЦЕНЫ.

ЦѢНА:

На любской бумагѣ 3 руб.

На веленовой . . . . 4.